

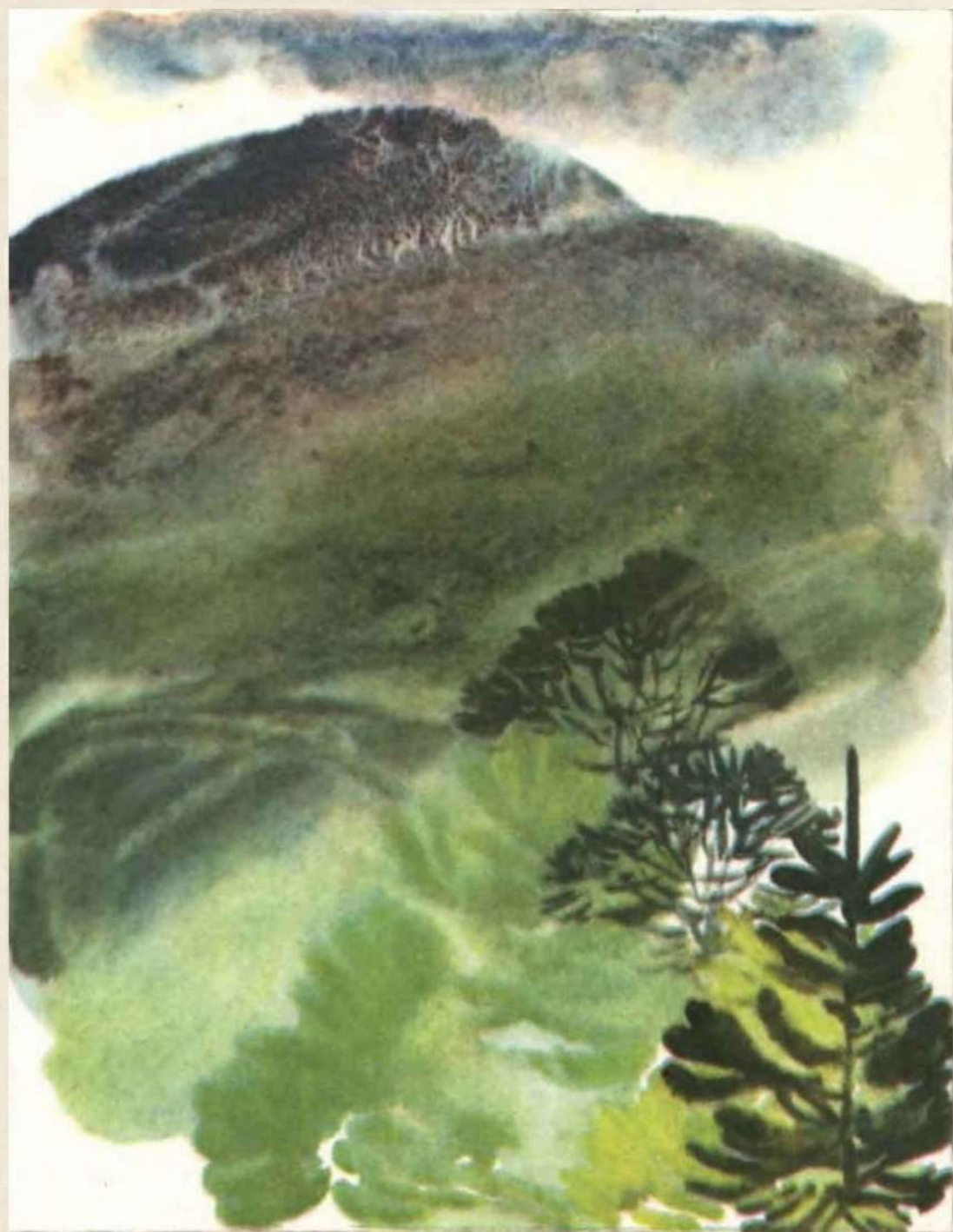
Д.Н. МАМИН-СИБИРЯК
ЕМЕЛЯ-ОХОТНИК

Д.Н. МАМИН-СИБИРЯК

ЕМЕЛЯ- ОХОТНИК

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Для младшего
школьного возраста

КИЕВ «ВЕСЕЛКА» 1981

*В книгу входят
рассказы и сказки
замечательного
русского писателя
Д. Н. Мамина-Сибиряка
(1852 — 1912):
«Емеля-охотник»,
«Зимовье на Студёной»,
«Серая Шейка»,
«Упрямый козёл»
и другие.*

*Художественное оформление
Татьяны Капустиной*

ЕМЕЛЯ-ОХОТНИК

I

Далеко-далеко, в северной части Уральских гор, в непроходимой лесной глуши спряталась деревушка Тычки. В ней всего одиннадцать дворов, собственно десять, потому что одиннадцатая избушка стоит совсем отдельно, но у самого леса. Кругом деревни зубчатой стеной поднимается вечнозелёный хвойный лес. Из-за вершушек елей и пихт можно разглядеть несколько гор, которые точно нарочно обошли Тычки со всех сторон громадными синевато-серыми валами. Ближе других стоит к Тычкам горбатая Ручьевая гора, с седой мохнатой вершиной, которая в пасмурную погоду совсем прячется в мутных, серых облаках. С Ручьевой

горы сбегает много ключей и ручейков. Один такой ручеек весело катится к Тычкам и зиму и лето всех поит студёной, чистой, как слеза, водой.

Избы в Тычках выстроены без всякого плана, как кто хотел. Две избы стоят над самой речкой, одна — на крутом склоне горы, а остальные разбрелись по берегу, как овцы. В Тычках даже нет улиц, а между избами колесит избитая тропа. Да тычковским мужикам совсем и улицы, пожалуй, не нужно, потому что и ездить по ней не на чём: в Тычках нет ни у кого ни одной телеги. Летом эта деревушка бывает окружена непроходимыми болотами, топями и лесными трущобами, так что в неё едва можно пройти пешком только по узким лесным тропам, да и то не всегда. В ненастье сильно играют горные речки, и часто случается тычковским охотникам дня по три ждать, когда вода спадёт с них.

Все тычковские мужики — записные охотники. Летом и зимой они почти не выходят из лесу, благо до него рукой подать. Всякое время года приносит с собой известную добычу: зимой бьют медведей, куниц, волков, лисиц; осенью — белку; весной — диких коз; летом — всякую птицу. Одним словом, круглый год стоит тяжёлая и часто опасная работа.

В той избушке, которая стоит у самого леса, живёт старый охотник Емеля с маленьким внуком Гришуткой. Избушка Емели совсем вросла в землю и глядит на свет божий всего одним окном; крыша на избушке давно прогнила, от трубы остались только обвалившиеся кирпичи. Ни забора, ни ворот, ни сарая — ничего не было у Емелиной избушки. Только под крыльцом из неотёсанных брёвен воеет по ночам голодный Лыско — одна из самых лучших охотничьих собак в Тычках. Перед каждой охотой Емеля дня три морит несчастного Лыска, чтобы он лучше искал дичь и выслеживал всякого зверя.

— Дедко... а дедко!.. — с трудом спрашивал маленький Гришутка однажды вечером. — Теперь олени с телятами ходят?

— С телятами, Гришук, — ответил Емеля, доплетая новые лапти.

— Вот бы, дедко, телёночка добыть... А?

— погоди, добудем... Жары наступили, олени с телятами в чаще прятаться будут от оводов, тут я тебе и телёночка добуду, Гришук!

Мальчик ничего не ответил, а только тяжело вздохнул. Гришутке всего было лет шесть, и он лежал теперь второй месяц на широкой деревянной лавке под тёплой оленьей шкурой. Мальчик

простудился ещё весной, когда таял снег, и всё не мог поправиться. Его смуглое личико побледнело и вытянулось, глаза сделались больше, нос обострился. Емеля видел, как внучонок таял не по дням, а по часам, но не знал, чем помочь горю. Поил какой-то травой, два раза носил в баню, — больному не делалось лучше. Мальчик почти ничего не ел. Пожует корочку чёрного хлеба, и только. Оставалась от весны солёная козлятина, но Гришук и смотреть на неё не мог.

«Ишь чего захотел: телёночка... — думал старый Емеля, доковыривая свой лапоть. — Ужо надо добыть...»

Емеле было лет семьдесят: седой, сторбленный, худой, с длинными руками. Пальцы на руках у Емели едва разгибались, точно это были деревянные сучья. Но ходил он ещё бодро и кое-что добывал охотой. Только вот глаза сильно начали изменять старику, особенно зимой, когда снег искрится и блестит кругом алмазной пылью. Из-за Емелиных глаз и труба развалилась, и крыша

прогнила, и сам он сидит частенько в своей избушке, когда другие в лесу.

Пора старику и на покой, на тёплую печку, да заменитьсь некем, а тут вот ещё Гришутка на руках очутился, о нём нужно позаботиться... Отец Гришутки умер три года назад от горячки, мать заели волки, когда она с маленьким Гришуткой зимним вечером возвращалась из деревни в свою избушку. Ребёнок спасся каким-то чудом. Мать, пока волки грызли ей ноги, закрыла ребёнка своим телом, и Гришутка остался жив.

Старому деду пришлось выращивать внука, а тут ещё болезнь приключилась. Беда не приходит одна...

II

Стояли последние дни июня месяца, самое жаркое время в Тычках. Дома оставались только старые да малые. Охотники давно разбрелись по лесу за оленями. В избушке Емели бедный Лыско уже третий день завывал от голода, как волк зимой.

— Видно, Емеля на охоту собрался, — говорили в деревне бабы.

Это была правда. Действительно, Емеля скоро вышел из своей избушки с кремнёвой винтовкой в руке, отвязал Лыска и направился к лесу. На нём были новые лапти, котомка с хлебом за плечами, рваный кафтан и тёплая оленья шапка на голове. Старик давно уже не носил шляпы, а зиму и лето ходил в своей оленьей шапке, которая отлично защищала его лысую голову от зимнего холода и от летнего зноя.

— Ну, Гришук, поправляйся без меня... — говорил Емеля внуку на прощанье. — За тобой приглядит старуха Маланья, пока я за телёнком схожу.

— А принесёшь телёнка-то, дедко?

— Принесу, сказал.

— Жёлтенького?

— Жёлтенького...

— Ну, я буду тебя ждать... Смотри не промахнись, когда стрелять будешь...

Емеля давно собирался за оленями, да всё жалел бросить внука одного, а теперь ему было как будто лучше, и старик решил попытать счастья. Да и старая Маланья поглядит за мальчиком, — всё же лучше, чем лежать одному в избушке.

В лесу Емеля был как дома. Да и как ему не знать этого леса, когда он целую жизнь бродил по нему с ружьём да с собакой. Все тропы, все приметы — всё знал старик на сто вёрст кругом.

А теперь, в конце июня, в лесу было особенно хорошо: трава красиво пестрела распустившимися цветами, в воздухе стоял чудный аромат душистых трав, а с неба глядело ласковое летнее солнышко, обливавшее ярким светом и лес, и траву, и журчавшую в осоке речку, и далёкие горы.

Да, чудно и хорошо было кругом, и Емеля не раз останавливался, чтобы перевести дух и оглянуться назад.

Тропинка, по которой он шёл, змейкой взбиралась на гору, минуя большие камни и крутые уступы. Крупный лес был вырублен, а около дороги ютились молодые берёзки, кусты жимолости, и зелёным шатром раскидывалась рябина. Там и сям попадались густые перелески из молодого ельника, который зелёной щёткой вставал по сторонам дороги и весело топорщился лапистыми и мохнатыми ветвями. В одном месте, с половины горы, открывался широкий вид на далёкие горы и на Тычки. Деревушка совсем спряталась на дне глубокой горной котловины, и крестьянские избы казались отсюда чёрными точками. Емеля, заслонив глаза от солнца, долго глядел на свою избушку и думал о внучке.

— Ну, Лыско, ищи... — говорил Емеля, когда они спустились с горы и повернули с тропы в сплошной дремучий ельник.

Лыску не нужно было повторять приказание. Он отлично знал своё дело и, уткнув свою острую морду в землю, исчез в густой зелёной чаще. Только на время мелькнула его спина с жёлтыми пятнами.

Охота началась.

Громадные ели поднимались высоко к небу своими острыми вершинами. Мохнатые ветви переплетались между собой, образуя над головой охотника непроницаемый тёмный свод, сквозь который только кое-где весело глянет солнечный луч и золотым пятном обожжёт желтоватый мох или широкий лист папоротника. Трава в таком лесу не растёт, и Емеля шёл по мягкому желтоватому мху, как по ковру.

Несколько часов брёл охотник по этому лесу. Лыско точно в воду канул. Только изредка хрустнет ветка под ногой или перелетит пёстрый дятел. Емеля внимательно осматривал всё кругом: нет ли где какого-нибудь следа, не сломал ли олень рогами ветки, не отпечаталось ли на мху раздвоенное копыто, не объедена ли трава на кочках. Начало темнеть. Старик почувствовал усталость.

Нужно было думать о ночлеге.

«Вероятно, оленей распугали другие охотники», — думал Емеля.

Но вот слышался слабый визг Лыска, и впереди затрещали ветви. Емеля прислонился к стволу ели и ждал.

Это был олень. Настоящий десятирогий красавец олень, самое благородное из лесных животных. Вот он приложил свои ветвистые рога к самой спине и внимательно слушает, обнюхивая воздух, чтобы в следующую минуту молнией пропасть в зелёной чаще.

Старый Емеля завидел оленя, но он слишком далеко от него; не достать его пулей. Лыско лежит в чаще и не смеет дохнуть в ожидании выстрела; он слышит оленя, чувствует его запах... Вот грянул выстрел, и олень, как стрела, понёсся вперёд. Емеля промахнулся, а Лыско взвыл от забиравшего его голода. Бедная собака уже чувствовала запах жареной оленины, видела аппетитную кость, которую ей бросит хозяин, а вместо этого приходится ложиться спать с голодным брюхом. Очень скверная история...

— Ну, пусть его погуляет, — рассуждал вслух Емеля, когда вечером сидел у огонька под густой столетней елью. — Нам надо телёночка добывать, Лыско... Слышишь?

Собака только жалобно виляла хвостом, положив острую морду между передними лапами. На её долю сегодня едва выпала одна сухая корочка, которую Емеля бросил ей.

III

Три дня бродил Емеля по лесу с Лыском, и всё напрасно: олень с телёнком не попадалось. Старик чувствовал, что выбивается из сил, но вернуться домой с пустыми руками не решался. Лыско тоже приуныл и совсем отошал, хотя и успел перехватить пару молодых зайчат.

Приходилось заночевать в лесу у огонька третью ночь. Но и во сне старый Емеля всё видел жёлтенького телёнка, о котором его просил Гришук; старик долго выслеживал свою добычу, прицеливался, но олень каждый раз убегал от него из-под носу. Лыско тоже, вероятно, бредил оленями, потому что несколько раз во сне взвизгивал и принимался глухо лаять.

Только на четвёртый день, когда и охотник и собака совсем выбились из сил, они совершенно случайно напали на след оленя

с телёнком. Это было в густой еловой заросли на скате горы. Прежде всего Лыско отыскал место, где ночевал олень, а потом разнюхал и запутанный след в траве.

«Матка с телёнком, — думал Емеля, разглядывая на траве следы больших и маленьких копыт. — Сегодня утром были здесь... Лыско, ищи, голубчик!..»

День был знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву с высунутым языком; Емеля едва таскал ноги. Но вот знакомый треск и шорох... Лыско упал на траву и не шевелился. В ушах Емели стоят слова внука: «Дедко, добудь телёнка... и непременно, чтобы был жёлтенький». Вон и матка... Это был великолепный олень-самка. Он стоял на опушке леса и пугливо смотрел прямо на Емелю. Кучка жужжавших насекомых кружилась над оленем и заставляла его вздрагивать.

«Нет, ты меня не обманешь...» — думал Емеля, выползая из своей засады.

Олень давно почуял охотника, но смело следил за его движениями.

«Это matka меня от телёнка отводит», — думал Емеля, подползая всё ближе и ближе.

Когда старик хотел прицелиться в оленя, он осторожно перебежал несколько сажен¹ далее и опять остановился. Емеля снова подполз со своей винтовкой. Опять медленное подкрадывание, и опять олень скрылся, как только Емеля хотел стрелять.

— Не уйдёшь от телёнка, — шептал Емеля, терпеливо выслеживая зверя в течение нескольких часов.

Эта борьба человека с животным продолжалась до самого вечера. Благородное животное десять раз рисковало жизнью, стараясь отвести охотника от спрятавшегося оленёнка; старый Емеля и сердился и удивлялся смелости своей жертвы. Ведь всё равно она не уйдёт от него... Сколько раз приходилось ему убивать

¹ Сажень — старая мера длины, содержащая 2,13 метра.

таким образом жертвовавшую собою мать. Лыско, как тень, ползал за хозяином, и когда тот совсем потерял оленя из виду, осторожно ткнул его своим горячим носом. Старик оглянулся и присел. В десяти саженьях от него, под кустом жимолости, стоял тот самый жёлтенький телёнок, за которым он бродил целых три дня. Это был прехорошенький оленёнок, всего нескольких недель, с жёлтым пушком и тоненькими ножками; красивая головка была откинута назад, и он вытягивал тонкую шею вперёд, когда старался захватить веточку повыше. Охотник с замирающим сердцем взвёл курок винтовки и прицелился в голову маленькому, беззащитному животному...

Ещё одно мгновение, и маленький оленёнок покатился бы по траве с жалобным предсмертным криком; но именно в это мгновение старый охотник припомнил, с каким геройством защищала телёнка его мать, припомнил, как мать его Гришутки спасла сына от волков своей жизнью. Точно что оборвалось в груди у старого Емели, и он опустил ружьё. Оленёнок по-прежнему ходил около куста, общипывая листочки и прислушиваясь к малейшему шороху.

Емеля быстро поднялся и свиснул, — маленькое животное скрылось в кустах с быстротой молнии.

— Ишь какой бегун...—говорил старик, задумчиво улыбаясь.— Только его и видел: как стрела... Ведь убежал, Лыско, наш оленёнок-то? Ну, ему, бегуну, ещё надо подрасти... Ах ты, какой шустрый!..

Старик долго стоял на одном месте и всё улыбался, припоминая бегуна.

На другой день Емеля подходил к своей избушке.

— А... дедко, принёс телёнка?—встретил его Гриша, ждавший всё время старика с нетерпением.

— Нет, Гришук... видел его...

— Жёлтенький?

— Жёлтенький сам, а мордочка чёрная. Стоит под кустиком и листочки пощипывает... Я прицелился...

— И промахнулся?

— Нет, Гришук: пожалел малого зверя... матку пожалел... Как свистну, а он, телёнок-то, как стрёканёт в чащу,— только его и видели. Убежал, пострел этакий...

Старик долго рассказывал мальчику, как он искал телёнка по лесу три дня и как тот убежал от него. Мальчик слушал и весело смеялся вместе со старым дедом.

— А я тебе глухаря принёс, Гришук, — прибавил Емеля, кончив рассказ. — Этого всё равно волки бы съели.

Глухарь был оципан, а потом попал в горшок. Больной мальчик с удовольствием поел глухариной похлёбки и, засыпая, несколько раз спрашивал старика:

— Так он убежал, оленёнок-то?

— Убежал, Гришук...

— Жёлтенький?

— Весь жёлтенький, только мордочка чёрная да копытца.

Мальчик так и уснул и всю ночь видел маленького жёлтенького оленёнка, который весело гулял по лесу со своей матерью; а старик спал на печке и тоже улыбался во сне.

ЗИМОВЬЕ НА СТУДЁНОЙ

С

1

тарик лежал на своей лавочке, у печи, закрывшись старой дохой из вылезших оленьих шкур. Было рано или поздно — он не знал, да и знать не мог, потому что светало поздно, а небо ещё с вечера было затянуто низкими осенними тучами. Вставать ему не хотелось: в избушке было холодно, а у него уже несколько дней болели и спина и ноги. Спать он тоже не хотел, а лежал так, чтобы провести время. Да и куда ему было торопиться? Его разбудило осторожное царапанье в дверь, — это проснулся Музгарко, небольшая, пёстрая вогульская собака, жившая в этой избушке уже лет десять.

— Я вот тебе задам, Музгарко!.. — заворчал старик, кутаясь в свою доху с головой. — Ты у меня поцарапайся...

Собака на время перестала скоблить дверь своей лапой и потом вдруг взвыла протяжно и жалобно.

— Ах, штоб тебя волки съели!.. — обругался старик, поднимаясь с лавки.

Он в темноте подошёл к двери, отворил её и всё понял, — отчего у него болела спина и отчего завывала собака. Всё, что можно было рассмотреть в приотворенную дверь, было покрыто снегом. Да, он ясно теперь видел, как в воздухе кружилась живая сетка из мягких, пушистых снежинок. В избе было темно, а от снега всё видно — и зубчатую стенку стоявшего за рекой леса, и надувшуюся почерневшую реку, и каменистый мыс, выдававшийся в реку круглым уступом. Умная собака сидела перед раскрытой дверью и такими умными, говорящими глазами смотрела на хозяина.

— Ну, што же, значит, конец!.. — ответил ей старик на немой вопрос собачьих глаз. — Ничего, брат, не поделаешь... Шабаш!..

Собака вильнула хвостом и тихо взвизгнула тем ласковым визгом, которым встречала одного хозяина.

— Ну, шабаш, ну, што поделаешь, Музгарко!.. Прокатилось наше красное летечко, а теперь заляжем в берлоге...

На эти слова последовал лёгкий прыжок, и Музгарко очутился в избушке раньше хозяина.

— Не любишь зиму, а? — разговаривал старик с собакой, растопляя старую печь, сложенную из дикого камня. — Не нравится, а?..

Колебавшееся в челе печки пламя осветило лавочку, на которой спал старик, и целый угол избушки. Из темноты выступали закопчённые брёвна, покрытые кое-где плесенью, развешанная в углу сеть, недоконченные новые лапти, несколько беличьих шуток, болтавшихся на деревянном крюку, а ближе всего сам старик — сгорбленный, седой, с ужасным лицом. Это лицо точно было сдвинуто на одну сторону, так что левый глаз вытек и закрылся припухшим веком. Впрочем, безобразие отчасти скрадывалось седой бородой. Для Музгарки старик не был ни красив, ни некрасив.

Пока старик растоплял печь, уже рассвело. Серое зимнее утро занялось с таким трудом, точно невидимому солнцу было больно светить. В избушке едва можно было рассмотреть дальнюю стену, у которой тянулись широкие нары, устроенные из тяжёлых дере-

вянных плах. Единственное окно, наполовину залепленное рыбьим пузырьком, едва пропускало свет. Музгарко сидел у порога и терпеливо наблюдал за хозяином, изредка виляя хвостом.

Но и собачьему терпенью бывает конец, и Музгарко опять слабо взвизгнул.

— Сейчас, не торопись, — ответил ему старик, придвигая к огню чугунный котелок с водой. — Успеешь...

Музгарко лёг и, положив остромордую голову в передние лапы, не спускал глаз с хозяина. Когда старик накиннул на плечи дырявый пониток¹, собака радостно залаяла и бросилась в дверь.

¹ Пониток — верхняя крестьянская одежда.

— То-то вот у меня поясница третий день болит,— объяснил старик собаке на ходу.— Оно и вышло, што к ненастью. Вона как снежок подваливает...

За одну ночь всё кругом совсем изменилось, — лес казался ближе, река точно сузилась, а низкие зимние облака ползли над самой землёй и только не цеплялись за верхушки елей и пихт. Вообще вид был самый печальный, а пушинки снега продолжали кружиться в воздухе и беззвучно падали на помертвевшую землю. Старик оглянулся назад, за свою избушку,— за ней уходило ржавое болото, чуть тронутое кустиками и жёсткой болотной травой. С небольшими перерывами это болото тянулось вёрст на пятьдесят и отделяло избушку от всего живого мира. А какая она маленькая показалась теперь старику, эта избушка, точно за ночь вросла в землю...

К берегу была причалена лодка-душегубка. Музгарко первый вскочил в неё, оперся передними лапами на край и зорко посмотрел вверх реки, туда, где выдавался мыс, и слабо взвизгнул.

— Чему обрадовался спозаранку? — окликнул его старик. — Погоди, может, и нет ничего...

Собака знала, что есть, и опять взвизгнула: она видела затонувшие поплавки закинутой в омуте снасти. Лодка полетела вверх по реке у самого берега. Старик стоял на ногах и гнал лодку вперёд, подпираясь шестом. Он тоже знал по визгу собаки, что будет добыча. Снасть действительно огрузла самой серединой, и, когда лодка подошла, деревянные поплавки повело книзу.

— Есть, Музгарко...

Снасть состояла из брошенной поперёк реки бечевы с поводками из тонких шнурков и волосяной лесы. Каждый поводок заканчивался острым крючком. Подъехав к концу снасти, старик осторожно начал выбирать её в лодку. Добыча была хорошая: два больших сига, несколько судаков, щука и целых пять штук стерлядей. Щука попалась большая, и с ней было много хлопот. Старик осторожно подвёл её к лодке и сначала оглушил своим шестом, а потом уже вытащил.

Музгарко сидел в носу лодки и внимательно наблюдал за работой.

— Любишь стерлядку? — дразнил его старик, показывая рыбу.— А ловить не умеешь... Погоди, заварим сегодня уху. К ненастью рыба идёт лучше на крюк... В омуте она теперь сбивается на зимнюю лежанку, а мы её из омута и будем добывать: вся на-

ша будет. Лучить¹ уже поедem... Ну, а теперь айда домой! Судак-то подвесим, высушим, а потом купцам продадим...

Старик запасал рыбу с самой весны: часть вялил на солнце, другую сушил в избе, а остатки сваливал в глубокую яму вроде колодца; эта последняя служила кормом Музгарке. Свежая рыба не переводилась у него целый год, только не хватало у него соли, чтобы её солить, да и хлеба не всегда доставало, как было сейчас. Запас ему оставляли с зимы до зимы.

— Скоро обоз придёт, — объяснил старик собаке. — Привезут нам с тобой и хлеба, и соли, и пороху... Вот только избушка наша совсем развалилась, Музгарко.

Осенний день короток. Старик всё время проходил около своей избушки, поправляя и то и другое, чтобы лучше ухорониться на зиму. В одном месте мох вылез из пазов, в другом — бревно подгнило, в третьем — угол совсем осел и, того гляди, отвалится. Давно бы уж новую избушку пора ставить, да одному всё равно ничего не поделать.

— Как-нибудь, может, перебыюсь зиму, — думал старик вслух, постукивая топором в стену. — А вот обоз придёт, так тогда...

Выпавший снег все мысли старика сводил на обоз, который приходил по первопутку, когда вставали реки. Людей он только и видел один раз в году. Было о чём подумать. Музгарко отлично понимал каждое слово хозяина и при одном слове «обоз» смотрел вверх реки и радостно взвизгивал, точно хотел ответить, что вон, мол, откуда придёт обоз-то — из-за мыса.

К избе был приделан довольно большой низкий сруб, служивший летом амбаром, а зимой казармой для ночлега ямщиков. Чтобы защитить от зимней непогоды лошадей, старик с осени устраивал около казармы из молодых пушистых пихт большую загородку. Намаются лошади тяжёлой дорогой, запотеют, а ветер дует холодный, особенно с солнцевосхода. Ах, какой бывает ветер, даже дерево не выносит и поворачивает свои ветви в тёплую сторону, откуда весной летит всякая птица.

Кончив работу, старик сел на обрубок дерева под окном избушки и задумался. Собака села у его ног и положила свою умную голову к нему на колени. О чём думал старик? Первый снег всегда и радовал его и наводил тоску, напоминая старое, что осталось вон за теми горами, из которых выбегала река Студёная. Там у него были и свой дом, и семья, и родные были, а теперь

¹ Лучить рыбу — бить острогою с лодки.

никого не осталось. Всех он пережил, и вот где привёл бог кончать век: умрёт — некому глаза закрыть. Ох, тяжело старое одиночество, а тут лес кругом, вечная тишина, и не с кем слова сказать. Одна отрада оставалась: собака. И любил же её старик гораздо больше, чем любят люди друг друга. Ведь она для него была всё и тоже любила его. Не один раз случалось так, что на охоте Музгарко жертвовал своей собачьей жизнью за хозяина, и уже два раза медведь помял его за отчаянную храбрость.

— А ведь стар ты стал, Музгарко, — говорил старик, глядя собаку по спине. — Вон и спина прямая стала, как у волка, и зубы притупились, и в глазах муть... Эх, старик, старик, съедят тебя зимой волки!.. Пора, видно, нам с тобой и помирать...

Собака была согласна и помирать... Она только теснее прижималась всем телом к хозяину и жалобно моргала. А он сидел и всё смотрел на почерневшую реку, на глухой лес, зелёной стеной уходивший на сотни вёрст¹ туда, к студёному морю, на чуть брезжившие горы в верховьях Студёной, — смотрел и не шевелился, охваченный своей тяжёлой старикинской думой.

Вот о чём думал старик.

Родился и вырос он в глухой лесной деревушке Чалпан, засевшей на реке Колве. Место было глухое, лесистое, хлеб не родился, и мужики промышляли кто охотой, кто сплавом леса, кто рыбной ловлей. Деревня была бедная, как почти все деревни в Чердынском крае, и многие уходили на промысел куда-нибудь на сторону: на солеваренные промыслы в Усолье, на плотбища по реке Вишере, где строились лесопромышленниками громадные баржи, на железные заводы по реке Каме.

Старик был тогда совсем молодым, и звали его по деревне Елеской Шишмарём, — вся семья была Шишмари. Отец промышлял охотой, и Елеска с ним ещё мальчиком прошёл всю Колву. Били они и рябчика, и белку, и куницу, и оленя, и медведя, — что попадёт. Из дому уходили недели на две, на три. Потом Елеска вырос, женился и зажил своим домом в Чалпане, а сам по-прежнему промышлял охотой. Стала потихоньку у Елески подрастать своя семья — два мальчика да девочка; славные ребятки росли и были бы отцу подмогой на старости лет. Но богу было угодно другое: в холерный год семья Елески вымерла... Случилось это горе осенью, когда он ушёл с артелью других охотников в горы за оленями. Ушёл он семейным человеком, а вернулся бобылём.

¹ Верста — старая мера длины, содержащая 1,07 километра.

Тогда половина народу в Чалпане вымерла: холера прошла на Колву с Камы, куда уходили на сплавы чалпанские мужики. Они и занесли с собой страшную болезнь, которая косила людей, как траву.

Долго горевал Елеска, но второй раз не женился: поздно было вторую семью заводить. Так он и остался бобылём и пуще прежнего занялся охотой. В лесу было весело, да и привык уж очень к такой жизни Елеска. Только и тут стряслась с ним великая беда. Обошёл он медвежью берлогу, хорошего зверя подглядел и уже вперёд рассчитал, что в Чердыни за медвежью шкуру получит все пять рублей. Не в первый раз выходил на зверя с рогатиной да с ножом; но на этот раз сплеховал: поскользнулась у Елески одна нога, и медведь надел на него. Рассвирепевший зверь обломал охотника насмерть, а лицо сдвинул ударом лапы на сторону. Едва приполз Елеска из лесу домой, и здесь свой знахарь лечил его целых полгода; остался жив, а только сделался уродом. Не мог далеко уходить в лес, как прежде, когда ганивал сохатого

на лыжах вёрст по семидесяти, не мог промыслять наравне с другими охотниками, — одним словом, пришла беда неминуемая.

В своей деревне делать Елеске было нечего, кормиться мирским подаванием не хотел, и отправился он в город Чердынь, к знакомым купцам, которым раньше продавал свою охотничью добычу. Может, место какое-нибудь обыщут Елеске богатые купцы. И нашли.

— Бывал на волоке¹ с Колвы на Печору? — спрашивали его промышленники. — Там на реке Студёной зимовье, — так вот тебе быть там сторожем... Вся работа только зимой: встретить да проводить обозы, а там гуляй себе целый год. Харч² мы тебе будем давать, и одежду, и припас всякий для охоты — поблизости от зимовья промыслять можешь.

— Далёконько, ваше степенство... — замылся Елеска. — Во все стороны от зимовья вёрст на сто жилья нет, а летом туда и не пройдёшь.

— Уж это твоё дело; выбирай из любых: дома голодать или на зимовье барином жить...

Подумал Елеска и согласился, а купцы высылали ему и харч и одежду только один год. Потом Елеска должен был покупать всё на свои деньги от своей охоты и рыбной ловли на зимовке. Так он и жил в лесу. Год шёл за годом. Елеска состарился и боялся только одного, что придёт смертный час и некому будет его похоронить.

II

До обоза, пока реки ещё не стали, старик успел несколько раз сходить на охоту. Боровой рябчик поспел давно, но бить его не стоило, потому что всё равно сгниёт в тепле. Обозный приказчик всегда покупал у старика рябчиков с особым удовольствием, потому что из этих мест шёл крепкий и белый рябчик, который долго не портился, а это всего важнее, потому что убитые на Студёной рябчики долетали до Парижа. Их скупали купцы в Чердыни, а потом отправляли в Москву, а из Москвы рябчиков везли громадными партиями за границу. Старик на двадцать вёрст от своей избушки знал каждое дерево и с лета замечал все

¹ Волок — место, где суда и грузы перетаскивались по суше с одной реки на другую.

² Харч — съестные припасы.

рябиные выводки, где они высаживались, паслись и кормились. Когда выводки поспевали, он знал, сколько штук в каждом, но для себя не прочил ни одного, потому что это был самый дорогой товар, и он получал за него самый дорогой припас — порох и дробь. Нынешняя охота посчастливилась необыкновенно, так что старик заготовил пар тридцать ещё до прихода обоза и боялся только одного: как бы не ударила ростепель. Редко случалась такая ростепель на Студёной, но могла и быть.

— Ну, теперь мы с тобой на припас добыли, — объяснил старик собаке, с которой всегда разговаривал, как с человеком. — А пока обоз ходит с хлебом на Печору, мы и харч себе обрабатываем... Главное — соли добыть побольше. Ежели бы у нас с тобой соль была, так богаче бы нас не было вплоть до самой Чердыни.

О соли старик постоянно говорил: «Ах, кабы соль была — не житьё, а рай». Теперь рыбу ловил только для себя, а остальную сушил, — какая цена такой сушёной рыбе? А будь соль, тогда бы он рыбу солил, как печорские промышленники, и получал бы за неё вдвое больше, чем теперь. Но соль стоила дорого, а запастись её приходилось бы пудов по двадцати, — где же такую уйму деньжищ взять, когда с грехом пополам хватало на харч да на одежду? Особенно жалел старик, когда летним делом, в петровки, убивал оленя: свежее мясо портится скоро, — два дня поест оленины, а потом бросай! Сушёная оленина — как дерево.

Стала и Студёная. Горная холодная вода долго не замерзает, а потом лёд везде проедается полыньями. Это ключи из земли бьют. Запасал теперь старик и свежую рыбу, которую можно было сейчас морозить, как рябчиков. Лиха беда в том, что времени было мало. Того и гляди, что подвалит обоз.

— Скоро, Музгарко, харч нам придёт...

Собственно, хлеб у старика вышел ещё до заморозков, и он подмешивал к остаткам ржаной муки толчёную сухую рыбу. Есть одно мясо или одну рыбу было нельзя: Дня через три так отобьёт, что потом в рот не возьмёшь. Конечно, самоеды и вогулы¹ питаются одной рыбой, так они к этому привычны, а русский человек — хлебный и не может по-ихнему.

Обоз пришёл совершенно неожиданно. Старик спал ночью, когда закричали везы и послышался крик:

— Эй, дедушка, жив ли ты?.. Прймай гостей... Давно не виделись.

¹ Самоеды и вогулы — северные народы.

Старика больше всего поразило то, что Музгарко прокараулил дорогих, жданных гостей. Обыкновенно он чуял их, когда обоз ещё был версты за две, а нынче не слышал. Он даже не выскочил на улицу, чтобы полаять на лошадей, а стыдливо спрятался под хозяйскую лавку и не подал голоса.

— Музгарко, да ты в уме ли! — удивлялся старик. — Проспал обоз... Ах, нёхорошо!..

Собака выползла из-под лавки, лизнула его в руку и опять скрылась: она сама чувствовала себя виноватой.

— Эх, стар стал: нюх потерял, — заметил с грустью старик. — И слышит плохо на левое ухо.

Обоз состоял воев из пятидесяти... На Печору чердынские купцы отправаляли по первопутку хлеб, соль, разные харчи и рыболовскую снасть, а оттуда вывозили свежую рыбу. Дело было, самое спешное, чтобы добыть печорскую рыбу раньше других, — шла дорогая печорская сёмга. Обоз должен сломать трудную пунину в две недели, и ямщики спали только во время кормёжек пока лошади отдыхали. Особенно торопились назад, тогда уж и спать почти не приходилось. А дорога через волок была трудная, особенно горами. Дорога скверная, каменистая, сани некованные, а по речкам везде наледи да промоины. Много тут погублено хороших лошадей, а людям приходилось работать, как нигде: вывозить воез вгору на себе, добывать их из воды, вытаскивать из раскатов. Только одни колвинские ямщики и брались за такую проклятую работу, потому что гнала на Печору горькая нужда.

В зимовье на Студёной обоз делал передышку: вместо двухчасовой кормёжки лошади здесь отдыхали целых четыре. Казарму старик подтопил заранее, и ямщики, пустив лошадей к корму, завалились спать на деревянных нарах ямщичьим мёртвым сном. Не спал только молодой приказчик, ещё в первый раз ехавший на Печору. Он сидел у старика в избушке и разговаривал.

— И не страшно тебе в лесу, дедушка?

— А чего бояться, Христос с нами! Привычное наше дело. В лесу выросли.

— А как же не бояться: один в лесу...

— А у меня пёсик есть... Вот вдвоём и коротаем время. По зимам вот волки одолевают, так он мне вперёд рассказывает, когда придут они в гости. Чует... И дошлая: сама поднимает волков. Они бросятся за ней, а я их из ружья... Умнеющая собака: только не скажет, как человек. Я с ней всегда разговариваю, а то, пожалуй, и говорить разучишься...

— Откуда же ты такую добыл, дедушка?

— Давно это было, почитай годов с десять. Вот по зиме, этак перед рождеством, выслеживал я в горах лосей... Была у меня собачка, ещё с Колвы привёл. Ну, ничего, правильный пёсик; и зверя брал, и птицу искал, и белку — всё как следует. Только иду я с ним по лесу, и вдруг вот этот Музгарко прямо как выскочит на меня. Даже испугал... Не за обычай это у наших промысловых собак, чтобы к незнакомому человеку ластиться, как к хозяину, а эта так прямо ко мне и бросилась. Вижу, што дело как будто неладно. А он этак смотрит на меня, умненько таково, а сам ведёт всё дальше... И што бы ты думал, братец ты мой, ведь привёл! В логовине этак вижу шалашик из хвои, а из шалашика

чуть пар... Подхожу. В шалашике вогул лежит, болен, значит, и от своей артели отстал... Пряменько сказать: помирал человек. На охоте его ухватила немочь, другим-то не ждать. Увидал меня, обрадовался, а сам едва уж языком ворочает. Больше всё руками объяснял. Вот он меня и благословил этим пёсиком... При мне и помер, сердяга, а я его закопал в снегу, заволок хворостом да бревном придавил сверху, чтобы волки не съели. А Музгарко, значит, мне достался... Это по речке я его и назвал, где вогул помирал: Музгаркой звать речку, ну, я и собаку так же назвал. И умный пёсик... По лесу идёт, так после него хоть метлой подметай, — ничего не найдёшь. Ты думаешь, он вот сейчас не понимает, што о нём говорят?.. Всё понимает...

— Зачем он под лавкой-то лежит?

— А устыдился, потому обоз прокараулил. Стар стал... Два раза меня от медведя ухранил: медведь-то на меня, а он его и остановил. Прежде я с рогатиной ходил на медведя, когда ещё в силе был, а как один меня починил, ну, я уж из ружья норовлю его свалить. Тоже его надо умеючи взять: смышлястый зверь.

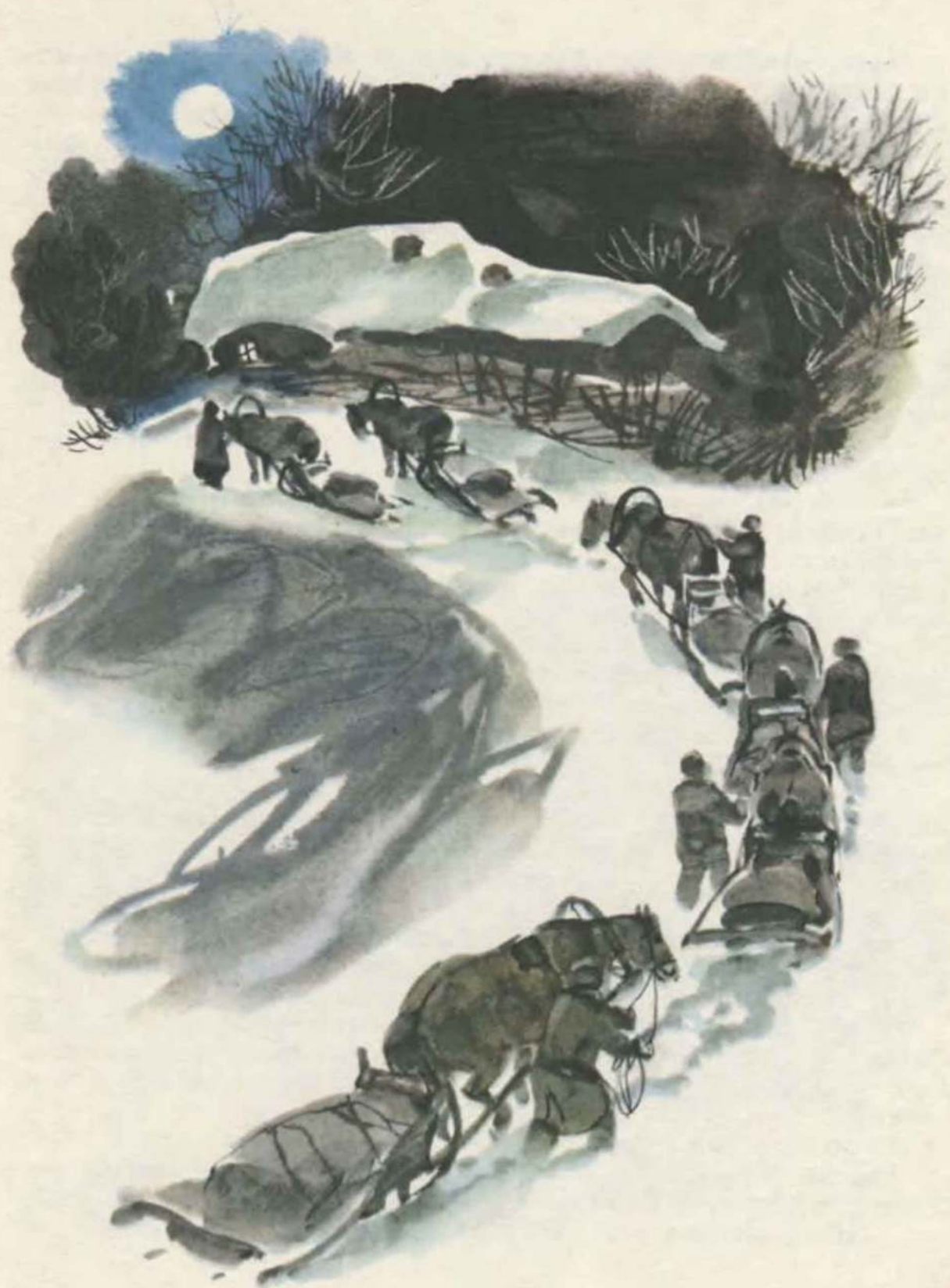
— Ну, а зимой-то, поди, скучно в избушке сидеть?

— Привышное дело... Вот только праздники когда, так скушно. Добрые люди в храме божьем, а у меня волки обедню завывают. Ну, я тогда свечку затеплю перед образом, и сам службу пою... Со слезами тоже молюсь.

Славный этот приказчик, молодой такой, и всё ему надо знать. Елеска обрадовался живому человеку и всё рассказывал про свою одинокую жизнь в лесу.

— У меня по весне праздник бывает, милый человек, когда с тёплого моря птица прилетит. И сколько её летит: туча... По Студёной-то точно её насыпано... Всякого сословия птица: и утки, и гуси, и кулики, и чайки, и гагары... Выйдешь на заре, там стон стоит по Студёной. И нет лучше твари, как перелётная птица: самая божья тварь... Большие тыщи вёрст летит, тоже устанет, затощает и месту рада. Прилетела, вздохнула денёк и сейчас гнездо налаживать.. А я хожу и смотрю: мне бог гостей прислал. И как наговаривают... Слушаешь, слушаешь, инда слеза проймёт. Любезная тварь — перелётная птица... Я её не трогаю, потому трудница перед господом. А когда гнёзда она строит, это ли не божьё произволение... Человеку так не построить. А потом матки с выводками на Студёную выплывут... Красота, радость... Плавают, полощутся, гогочут... Неочерпаемо здесь перелётной птицы. Праздником всё летечко прокатится, а к осени начнёт птица

трудиться стайками: пора опять в дорогу. И собираются, как люди... Лопочут по-своему, суетятся, молодых учат, а потом и поднялись... Ранним утром снимаются с места, вожак в голове летит. А есть и такие, которые остаются: здоровьем слаба выйдет, или позднышки выведутся... Жаль на них глядеть. Кричат, бедные, когда мимо них стая за стаей летит. На Студёной всё околачиваются. Плавают-плавают, пока забереги настынут, потом в полыньях кружатся... Ну, этих уже я из жалости пришибу. Што ей маяться-то, всё равно сгинет... Лебеди у меня тут в болоте гнёзда выют. Всякой твари своё произволение, свой предел... Одного только у меня не хватает, родной человек: который год прошу ямщиков, чтобы петушка мне привезли... Зимой-то ночи длинные, конца нет, а петушок-то и сказал бы, который час на дворе.

— В следующий раз я тебе привезу самого горластого, дедушка: как дьякон будет орать.

— Ах, родной, то-то уважил бы старика... Втроём бы мы вот как зажили! Скучно, когда по зимам мёртвая тишь встанет, а тут бы петушок, глядишь, и взвеселил. Тоже не простая тваринка, петушок-то; другой такой нет, чтобы часы сказывала. На потребу человеку петушок сотворён.

Приказчика звали Флегонтом. Он оставил старому Елеске и муки, и соли, и новую рубаху, и пороху, а на обратном пути с Печоры привёз подарок.

— Я тебе часы привёз, дедушка, — весело говорил он, подавая мешок с петухом.

— Ах, кормилец, ах, родной... Да как я тебя благодарить буду? Ну, пошли тебе бог всего, чего сам желаешь. Поди, и невеста где-нибудь подгляжена, так любовь да совет...

— Есть такой грех, дедушка, — весело ответил Флегонт, встряхивая русыми кудрями. — Есть в Чердыни два светлых глаза: посмотрели они на меня, да и заморозили... Ну, оставайся с богом.

— Соболька припасу твоей невесте на будущую осень, как опять поедешь на Печору. Есть у меня один на примете.

Ушёл обоз в обратный путь, и остался старик с петушком. Радости-то сколько!.. Пёстренький петушок, гребешок красненький — ходит по избушке, каждое пёрышко играет. А ночью как гаркнет...

То-то радость и утешение.

Каждое утро стал Елеска теперь разговаривать со своим петушком, и Музгарко их слушает.

— Што, завидно тебе, старому? — дразнит Елеска собаку. —

Только твоего ремесла, што лаять... А вот ты, по-петушиному спой!

Заметил старик, как будто заскучал Музгарко. Понурый такой ходит... Нemoжeтся что-то собаке. Должно полагать, ямщики сглазили.

— Музгарушко, да што это с тобой попритчилось? Где болит? Лежит Музгарко под лавкой, положил голову между лапами и только глазами моргает.

Всполошился старик: накатила беда неожиданная. А Музгарко всё лежит, не ест, не пьёт и голосу не подаёт.

— Музгарушко, милый!

Вильнул хвостом Музгарко, подполз к хозяину, лизнул руку и тихо взвыл. Ох, плохо дело!..

III

Ходит ветер по Студёной, наметает саженные сугробы снега, завывает в лесу, точно голодный волк, избушка Елески совсем потонула в снегу. Торчит без малого одна труба, да вьётся из неё синяя струйка дыма...

Воет пурга уже две недели, две недели не выходит из своей избушки старик и всё сидит над больной собакой. А Музгарко лежит и едва дышит: пришла Музгаркина смерть.

— Кормилец ты мой... — плачет старик и целует верного друга. — Родной ты мой... ну, где болит?

Ничего не отвечает Музгарко, как раньше. Он давно почуял свою смерть и молчит... Плачет, убивается старик, а помочь нечем: от смерти лекарства нет. Ах, горе какое лютое привалилось!.. С Музгаркой умерла последняя надежда старика, и ничего, ничего не осталось для него, кроме смерти. Кто теперь будет искать белку, кто облает глухаря, кто выследит оленя? Смерть без Музгарки, ужасная, голодная смерть. Хлебного припаса едва хватит до крещенья, а там помирать...

Воет пурга, а старик вспоминает, как жил он с Музгаркой, как ходил на охоту и промышлял себе добычу. Куда он без собаки?

А тут ещё волки... Учужали беду, пришли к избушке и завывали. Целую ночь так-то выли, надрывая душу. Некому теперь пугнуть их, облаять, подманить на выстрел... Вспомнился старику случай, как одолевал его медведь-шатун. Шатунами называют медведей, которые ввремя не залегли с осени в берлогу и бродят по лесу. Такой шатун — самый опасный зверь... Вот и повадился медведь к избушке: учужал запасы у старика. Как ночь, так и придёт. Два раза на крышу залезал и лапами разгребал снег. Потом выворотил дверь в казарме и утащил целый ворох запасённой стариком рыбы. Донял-таки шатун Елеску до самого нельзя. Озлобился на него старик за озорство, зарядил винтовку пулей и вышел с Музгаркой. Медведь так и прыгнул на старика и наверно бы его смял под себя, прежде чем тот успел бы в него выстрелить, но спас Музгарко. Ухватил он зверя сзади и посадил, а Елескина пуля не знала промаха... да мало ли было случаев, когда собака спасала старика...

Музгарко издох перед самым рождеством, когда мороз трещал в лесу. Дело было ночью. Елеска лежал на своей лавочке и дремал. Вдруг его точно что кольнуло. Вскочил он, вздул огня, зажжёт

лучину, подошёл к собаке, — Музгарко лежал мёртвый. Елеска похолодел: это была его смерть.

— Музгарко, Музгарко... — повторял несчастный старик, целуя мёртвого друга. — Што я теперь буду делать без тебя?

Не хотел Елеска, чтобы волки съели мёртвого Музгарку, и закопал его в казарме. Три дня он долбил мёрзлую землю, сделал могилку и со слезами похоронил в ней верного друга.

Остался один петушок, который по-прежнему будил старика ночью. Проснётся Елеска и сейчас вспомнит про Музгарку. И сделается ему горько и тошно до смерти. Поговорить не с кем. Конечно, петушок — птица занятая, а всё-таки птица и ничего не понимает.

— Эх, Музгарко! — повторял Елеска по несколько раз в день, чувствуя, как всё начинает у него валиться из рук.

Бедным людям приходится забывать своё горе за работой. Так было и тут. Хлебные запасы приходили к концу, и пора было Елеске подумать о своей голове. А главное, тошно ему теперь показалось оставаться в своей избушке.

— Эх, брошу всё, уйду домой на Колву, а то в Чердынь проберусь! — решил старик.

Поправил он лыжи, на которых ещё молодым гонял оленей, снарядил котомку, взял запаса дней на пять, простился с Музгаркиной могилой и тронулся в путь. Жаль было петушка оставлять одного, и Елеска захватил его с собой: посадил в котомку и понёс. Отошёл старик до каменного мыса, оглянулся на своё жильё и заплакал: жаль стало насиженного тёплого угла.

— Прощай, Музгарко...

Трудная дорога вела с зимовья на Колву. Сначала пришлось идти на лыжах по Студёной. Это было легко, потом начались горы, и старик скоро выбился из сил. Прежде-то, как олень, бегал по горам, а тут на двадцати верстах обессилел. Хоть ложись и помирай... Выкопал он в снегу ямку поглубже, устлал хвоей, развёл огонька, поел, что было в котомке, и прилёг отдохнуть. И петушка закрыл котомкой... С усталости он скоро заснул. Сколько он спал, долго ли, коротко ли, только проснулся от петушиного крика.

«Волки...» — мелькнуло у него в голове.

Но хочет он подняться и не может, точно кто его связал верёвками. Даже глаз не может открыть... Ещё раз крикнул петух и затих: его вместе с котомкой утащил из ямы волк. Хочет подняться старик, делает страшное усилие и слышит вдруг знакомый

лай: точно где-то под землёй залаял Музгарко. Да, это он... Ближе, ближе — это он по следу нижним чутьём идёт. Вот уже совсем близко, у самой ямы... Открывает Елеска глаза и видит: действительно, Музгарко, а с Музгаркой тот самый вогул, первый его хозяин, которого он в снегу схоронил.

«Ты здесь, дедушка? — спрашивает вогул, а сам смеётся. — Я за тобой пришёл...»

Дунул холодный ветер, рванул комья снега с высоких елей и пихт, и посыпался он на мёртвого Елеску; к утру от его ямки и следов не осталось.

ПРИЁМЫШ

(Из рассказов старого охотника)

I

Дожливый летний день. Я люблю в такую погоду бродить по лесу, особенно когда впереди есть тёплый уголок, где можно обсушиться и обогреться. Да к тому же летний дождь — тёплый. В городе в такую погоду — грязь, а в лесу земля жадно впитывает влагу, и вы идёте по чуть отсыревшему ковру из прошлогоднего палого листа и осыпавшихся игл сосны и ели. Деревья покрыты дождевыми каплями, которые сыплются на вас при каждом движении. А когда выглянет солнце после такого дождя, лес так ярко зеленеет и весь горит алмазными искрами. Что-то праздничное и радостное кругом вас, и вы чувствуете себя на этом празднике желанным, дорогим гостем.

Именно в такой дождливый день я подходил к Светлому озеру, к знакомому сторожу на рыбацкой сайме¹ Тарасу. Дождь уже редел. На одной стороне неба показались просветы, ещё немножко — и покажется горячее летнее солнце. Лесная тропинка сделала крутой поворот, и я вышел на отлогий мыс, вдававшийся широким языком в озеро. Собственно, здесь было не самое озеро, а широкий проток между двумя озёрами, и сайма приткнулась к излучине на низком берегу, где в заливчике ютились рыбацкие лодки. Проток между озёрами образовался благодаря большому лесистому острову, разлётшемуся зелёной шапкой напротив саймы.

Моё появление на мысу вызвало сторожевой оклик собаки Тараса, — на незнакомых людей она всегда лаяла особенным образом, отрывисто и резко, точно сердито спрашивала: «Кто идёт?» Я люблю таких простых собачонок за их необыкновенный ум и верную службу...

Рыбачья избушка издали казалась повернутой вверх дном большой лодкой, — это горбилась старая деревянная крыша, проросшая весёлой зелёной травой. Кругом избушки поднималась густая поросль из иван-чая, шалфея и «медвежьих дудок», так что у подходившего к избушке человека виднелась одна голова. Такая густая трава росла только по берегам озера, потому что здесь достаточно было влаги и почва была жирная.

Когда я подходил уже совсем к избушке, из травы кубарем вылетела на меня пёстрая собачонка и залилась отчаянным лаем.

— Соболько, перестань... Не узнал?

Соболько остановился в раздумье, но, видимо, ещё не верил в старое знакомство. Он осторожно подошёл, обнюхал мои охотничьи сапоги и только после этой церемонии виновато завил хвостом. Дескать, виноват, ошибся, — а всё-таки я должен стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, то есть он, вероятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть. Кругом избушки всё говорило о присутствии живого человека: слабо курившийся огонёк, охалка только что нарубленных дров, сушившаяся на кольях сеть, топор, воткнутый в обрубок дерева. В приотворённую дверь саймы виднелось всё хозяйство Тараса: ружьё на стене, несколько горшков на припечке, сундучок под лавкой, развешанные снасти. Избушка была доволь-

¹ Саймой — на Урале называют рыбацкие стоянки. (Примеч. автора.)

но просторная, потому что зимой во время рыбного лова в ней помещалась целая артель рабочих. Летом старик жил один. Несмотря ни на какую погоду, он каждый день жарко натапливал русскую печь и спал на полатах. Эта любовь к теплу объяснялась почтенным возрастом Тараса: ему было около девяноста лет. Я говорю «около», потому что сам Тарас забыл, когда он родился. «Ещё до француза», как объяснял он, то есть до нашествия французов в Россию в 1812 году.

Сняв намокшую куртку и развесив охотничьи доспехи по стенке, я принялся разводить огонь. Соболько вертелся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу. Весело разгорелся огонёк, пустив кверху синюю струйку дыма. Дождь уже прошёл. По небу неслись разорванные облака, роняя редкие капли. Кое-где синели просветы неба. А потом показалось и солнце, горячее июльское солнце, под лучами которого мокрая трава точно задымилась. Вода в озере стояла тихо-тихо, как это бывает только

после дождя. Пахло свежей травой, шалфеем, смолистым ароматом недалеко стоявшего сосняка. Вообще хорошо, как только может быть хорошо в таком глухом лесном уголке. Направо, где кончался проток, синела гладь Светлого озера, а за зубчатой каймой поднимались горы. Чудный уголок! И недаром старый Тарас прожил здесь целых сорок лет. Где-нибудь в городе он не прожил бы и половины, потому что в городе не купишь ни за какие деньги такого чистого воздуха, а главное — этого спокойствия, которое охватывало здесь. Хорошо на сайме! Весело горит яркий огонёк; начинает припекать горячее солнце, глазам больно смотреть на сверкающую даль чудного озера. Так сидел бы здесь и, кажется, не расстался бы с чудным лесным привольем. Мысль о городе мелькает в голове, как дурной сон.

В ожидании старика я прикрепил на длинной палке медный походный чайник с водой и повесил его над огнём. Вода уже начинала кипеть, а старика всё не было.

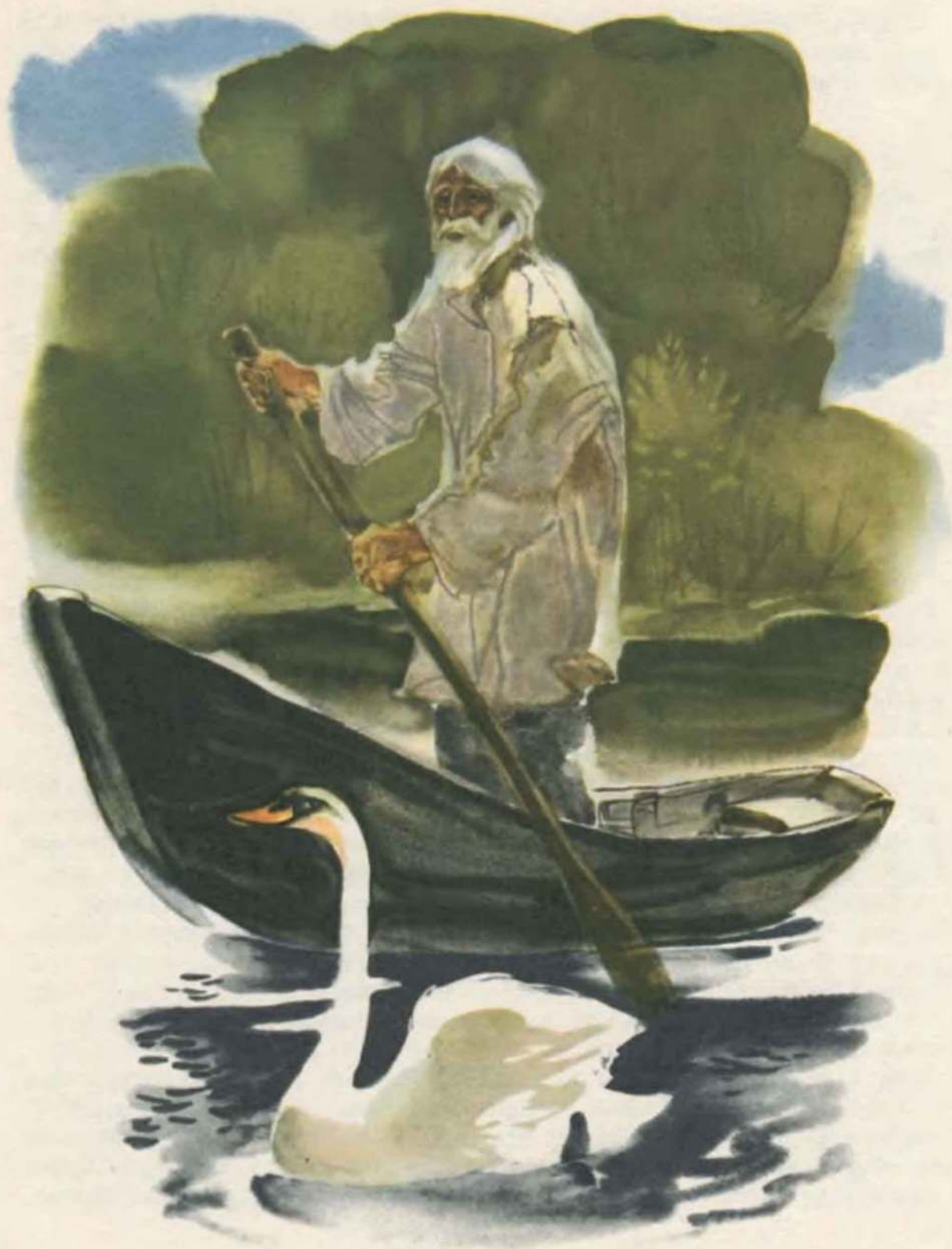
— Куда бы ему деться? — раздумывал я вслух. — Снасти осматривают утром, а теперь полдень... Может быть, поехал посмотреть, не ловит ли кто рыбу без спроса... Соболю, куда девался твой хозяин?

Умная собака только виляла пушистым хвостом, облизывалась и нетерпеливо взвизгивала. По наружности Соболю принадлежал к типу так называемых «промысловых» собак. Небольшого роста, с острой мордой, стоячими ушами и загнутым вверх хвостом, он, пожалуй, напоминал обыкновенную дворнягу, с той разницей, что дворняга не нашла бы в лесу белки, не сумела бы «облаять» глухаря, выследить оленя, — одним словом, настоящая промысловая собака, лучший друг человека. Нужно видеть такую собаку именно в лесу, чтобы в полной мере оценить все её достоинства.

Когда этот «лучший друг человека» радостно взвизгнул, я понял, что он завидел хозяина. Действительно, в протоке чёрной точкой показалась рыбацья лодка, огибавшая остров. Это и был Тарас... Он плыл, стоя на ногах, и ловко работал одним веслом — настоящие рыбаки все так плавают на своих лодках-однодеревках, называемых не без основания «душегубками». Когда он подплыл ближе, я заметил, к удивлению, плывшего перед лодкой лебедя.

— Ступай домой, гуляка! — ворчал старик, подгоняя красиво плывшую птицу. — Ступай, ступай... Вот я тебе дам — уплывать бог знает куда... Ступай домой, гуляка!

Лебедь красиво подплыл к сайме, вышел на берег, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своих кривых чёрных ногах, направился к избушке.

II

Старик Тарас был высокого роста, с окладистой седой бородой и строгими большими серыми глазами. Он всё лето ходил босой и без шляпы. Замечательно, что у него все зубы были целы и волосы на голове сохранились. Загорелое широкое лицо было изборождено глубокими морщинами. В жаркое время он ходил в одной рубаше из крестьянского синего холста.

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуй, барин!

— Откуда бог несёт?

— А вот за Приёмышем плавал, за лебедем... Всё тут вертелся в протоке, а потом вдруг и пропал... Ну, я сейчас за ним. Выехал в озеро — нет; по заводям проплыл — нет; а он за островом плавает.

— Откуда достал-то его, лебеда?

— А бог послал, да!.. Тут охотники из господ наезжали; ну, лебеда с лебёдушкой и пристрелили, а вот этот остался. Забился в камыши и сидит. Летать-то не умеет, вот и спрятался ребячьим делом. Я, конечно, ставил сети подле камышей, ну и поймал его. Пропадёт один-то, ястреба заедят, потому как смыслу в ём ещё настоящего нет. Сиротой остался. Вот я его привёз и держу. И он тоже привык... Теперь вот скоро месяц будет, как живём вместе. Утром на заре поднимется, поплавает в протоке, покормится, потом и домой. Знает, когда я встаю, и ждёт, чтобы покормили. Умная птица, одним словом, и свой порядок знает.

Старик говорил необыкновенно любовно, как о близком человеке. Лебедь приковылял к самой избушке и, очевидно, выжидал какой-нибудь подачки.

— Улетит он у тебя, дедушка... — заметил я.

— Зачем ему летать? И здесь хорошо: сыт, кругом вода...

— А зимой?

— Перезимует вместе со мной в избушке. Места хватит, а нам с Собољком веселей. Как-то один охотник забрёл ко мне на сайму, увидал лебеда и говорит вот так же: «Улетит, ежели крылья не подрежешь». А как же можно увечить божью птицу? Пусть живёт, как ей от господа указано... Человеку указано одно, а пти-

це — другое... Не возьму я в толк, зачем господа лебедей застрелили... Ведь и есть не станут, а так, для озорства...

Лебедь точно понимал слова старика и посматривал на него своими умными глазами.

— А как он с Собољком? — спросил я.

— Сперва-то боялся, а потом привык. Теперь лебедь-то в другой раз у Собољка и кусок отнимает. Пёс заворчит на него, а лебедь его — крылом. Смешно на них со стороны смотреть. А то гулять вместе отправятся: лебедь по воде, а Собољко — по берегу. Пробовал пёс плавать за ним, ну, да ремесло-то не то: чуть не потонул. А как лебедь уплывёт, Собољко ищет его. Сядет на бережку и воет... Дескать, скучно мне, псу, без тебя, друг сердешный. Так вот и живём втроём.

Я очень любил старика. Рассказывал уж он очень хорошо и знал много. Бывают такие хорошие, умные старики. Много летних ночей приходилось коротать на сайме, и каждый раз узнаёшь что-нибудь новое. Прежде Тарас был охотником и знал места кругом вёрст за пятьдесят, знал всякий обычай лесной птицы и лесного зверя; а теперь не мог уходить далеко и знал одну свою рыбу. На лодке плавать легче, чем ходить с ружьём по лесу, а особенно по горам. Теперь ружьё оставалось у Тараса по старой памяти да на всякий случай, если бы забежал волк. По зимам волки заглядывали на сайму и давно уже точили зубы на Собољка. Только Собољко был хитёр и не давался волкам.

Я остался на сайме на целый день. Вечером ездили удить рыбу и ставили сети на ночь. Хорошо Светлое озеро, и недаром оно названо Светлым, — вода в нём совершенно прозрачная, так что плывёшь на лодке и видишь всё дно на глубине несколько сажен. Видны и пёстрые камешки, и жёлтый речной песок, и водоросли, видно, как и рыба ходит «руном», то есть стадом. Таких горных озёр на Урале сотни, и все они отличаются необыкновенной красотой. От других Светлое озеро отличалось тем, что прилегало к горам только одной стороной, а другой — выходило «в степь», где начиналась благословенная Башкирия. Кругом Светлого озера разлеглись самые привольные места, а из него выходила бойкая горная река, разливавшаяся по степи на целую тысячу вёрст. Длинной озеро было до двадцати вёрст, да в ширину около девяти. Глубина достигала в некоторых местах сажен пятнадцати... Особенную красоту придавала ему группа лесистых островов. Один такой островок отделился на самую середину озера и назывался Голодаем, потому что, попав на него в дурную погоду, рыбаки не

раз голодали по несколько дней. Тарас жил на Светлом уже сорок лет.

Когда-то у него были и своя семья и дом, а теперь он жил бобылём.

Дети перемёрли, жена тоже умерла, и Тарас безвыходно оставался на Светлом по целым годам.

— Не скучно тебе, дедушка? — спросил я, когда мы возвращались с рыбной ловли. — Жутко одинокому-то в лесу...

— Одному? Тоже и скажешь, барин... Я тут князь князем живу. Всё у меня есть... И птица всякая, и рыба, и трава. Конечно, говорить они не умеют, да я-то понимаю всё. Сердце радуется в другой раз посмотреть на божью тварь... У всякой свой порядок и свой ум. Ты думаешь, зря рыбка плавает в воде или птица по лесу летает? Нет, у них заботы не меньше нашего... Эвон, погляди, лебедь-то дожидается нас с Собољком. Ах, прокурат!¹

Старик ужасно был доволен своим Приёмышем, и все разговоры в конце концов сводились на него.

— Гордая, настоящая царская птица, — объяснил он. — Помани его кормом да не дай, в другой раз и не пойдёт. Свой характер тоже имеет, даром что птица... С Собољком тоже себя очень гордо держит. Чуть что, сейчас крылом, а то и носом долбанёт. Известно, пёс в другой раз созорничать захочет, зубами норовит за хвост поймать, а лебедь его по морде... Это тоже не игрушка, чтобы за хвост хватать.

Я переночевал и утром на другой день собрался уходить.

— Ужо по осени приходи, — говорил старик на прощанье. — Тогда рыбу лучить будем с острогой... Ну, и рябчиков постреляем. Осенний рябчик жирный.

— Хорошо, дедушка, приеду как-нибудь.

Когда я отходил, старик меня вернул:

— Посмотри-ка, барин, как лебедь-то разыгрался с Собољком...

Действительно, стоило полюбоваться оригинальной картиной. Лебедь стоял раскрыв крылья, а Собољко с визгом и лаем напал на него. Умная птица вытягивала шею и шипела на собаку, как это делают гуси. Старый Тарас от души смеялся над этой сценой, как ребёнок.

¹ Прокурат — проказник.

III

В следующий раз я попал на Светлое озеро уже поздней осенью, когда выпал первый снег. Лес и теперь был хорош. Кое-где на берёзах ещё оставался жёлтый лист. Ель и сосны казались зеленее, чем летом. Сухая осенняя трава выглядывала из-под снега жёлтой щёткой. Мёртвая тишина царила кругом, точно природа, утомлённая летней кипучей работой, теперь отдыхала. Светлое озеро казалось больше, потому что не стало прибрежной зелени. Прозрачная вода потемнела, и в берег с шумом била тяжёлая осенняя волна...

Избушка Тараса стояла на том же месте, но казалась выше, потому что не стало окружавшей её высокой травы. Навстречу мне выскочил тот же Соболько. Теперь он узнал меня и ласково завилял хвостом ещё издали. Тарас был дома. Он чинил невод для зимнего лова.

— Здравствуй, старина!..

— Здравствуй, барин!

— Ну, как поживаешь?

— Да ничего... По осени-то, к первому снегу, прихворнул малость. Ноги болели... К непогоде у меня завсегда так бывает.

Старик действительно имел утомлённый вид. Он казался теперь таким дряхлым и жалким. Впрочем, это происходило, как оказалось, совсем не от болезни. За чаем мы разговорились, и старик рассказал своё горе.

— Помнишь, барин, лебедя-то?

— Приёмыша?

— Он самый... Ах, хороша была птица!.. А вот мы опять с Собольком остались одни... Да, не стало Приёмыша.

— Убили охотники?

— Нет, сам ушёл... Вот как мне обидно это, барин!.. Уж я ли, кажется, не ухаживал за ним, я ли не водился!.. Из рук кормил... Он ко мне и на голос шёл. Плывёт он по озеру, — я его кликну, он и подплывает. Учёная птица. И ведь совсем привыкла... да!.. Уж в заморозки грех вышел. На перелёте стадо лебедей спустилось на Светлое озеро. Ну, отдыхают, кормятся, плавают, а я люблюсь. Пусть божья птица с силой соберётся: не близкое место лететь... Ну, а тут и вышел грех. Мой-то Приёмыш сначала сторонился от других лебедей: подплывёт к ним, и назад. Те гогочут по-своему, зовут его, а он домой... Дескать, у меня свой дом есть. Так дня три это у них было. Всё, значит, переговариваются по-своему, по-птичьему. Ну, а потом, вижу, мой Приёмыш затосковал... Вот всё равно как человек тоскует. Выйдет это на берег, встанет на одну ногу и начнёт кричать. Да ведь как жалобно кричит... На меня тоску нагонит, а Соболько, дурак, волком воет. Известно, вольная птица, кровь-то сказалась...

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

— Ну, что же, дедушка?

— Ах, и не спрашивай... Запер я его в избушку на целый день, так он и тут понял. Станет на одну ногу у самой двери и стоит, пока не сгонишь его с места. Только вот не скажет человеческим языком: «Пусти, дедушка, к товарищам. Они-то в тёплую сторону полетят, а что я с вами тут буду зимой делать?» Ах ты, думаю, задача! Пустить — улетит за стадом и пропадёт...

— Почему пропадёт?

— А как же?.. Те-то на вольной воле выросли. Их, молодые которые, отец с матерью летать выучили. Ведь ты думаешь, как у них? Подрастут лебедята, — отец с матерью выведут их сперва на воду, а потом начнут учить летать. Исподволь учат: всё дальше да дальше. Своими глазами я видел, как молодых обучают к

перелёту. Сначала особняком учат, потом небольшими стаями, а потом уже сгрудятся в одно большое стадо. Похоже на то, как солдат муштруют... Ну, а мой-то Приёмыш один вырос и, почитай, никуда не летал. Поплавает по озеру — только и всего ремесла. Где же ему перелететь? Выбьется из сил, отстанет от стада и пропадёт... Непривычен к дальнему перелёту.

Старик опять замолчал.

— А пришлось выпустить, — с грустью заговорил он. — Всё равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскует и схиреет. Уж птица такая особенная. Ну, и выпустил. Пристал мой Приёмыш к стаду, поплавал с ним день, а к вечеру опять домой. Так два дня приплывал. Тоже, хоть и птица, а тяжело с своим домом расставаться. Это он прощаться плавал, барин... В последний-то раз отплыл от берега этак сажен на двадцать, остановился и как, братец ты мой, крикнет по-своему. Дескать: «Спасибо за хлеб, за соль!..» Только я его и видел. Остались мы опять с Собољком одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: «Собољко, а где наш Приёмыш?» А Собољко сейчас выть... Значит, жалеет. И сейчас на берег, и сейчас искать друга милого. Мне по ночам всё грезилось, что Приёмыш-то тут вот полощется у берега и крылышками хлопает. Выйду — никого нет... Вот какое дело вышло, барин.

СЕРАЯ ШЕЙКА

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привёл всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далёкий путь, и все имели такой серьёзный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч вёрст... Сколько бедных птиц дорогой выбьются из сил, сколько погибнут от разных случайностей, — вообще было о чём серьёзно подумать.

Серьёзная большая птица, как лебеди, гуси и утки, собиралась в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, суеились и хлопотали маленькие птички, как кулички-песочники, кулички-плавунчики, чёрнозо-

бики, черныши, зуйки. Они давно уже собирались стайками и переносились с одного берега на другой по отмелям и болотам с быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа...

Лес стоял тёмный и молчаливый, потому что главные птицы улетели, не дожидаясь холода.

— И куда эта мелочь торопится! — ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. — В своё время все улетим... Не понимаю, о чём тут беспокоиться...

— Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, — объяснила его жена, старая Утка.

— Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, и больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только не показываю вида. Толку от этого немного, если буду бегаю с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем довольна своим супругом, а теперь окончательно рассердилась:

— Ты посмотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси и лебеди, — любо на них посмотреть. Живут душа в душу... Небось лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда впереди выводка. Да, да... А тебе до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом... Смотреть-то на тебя даже противно!

— Не ворчи, старуха!.. Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки... Я не виноват, что гусь — глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще моё правило — не вмешиваться в чужие дела. Зачем? Пусть всякий живёт по-своему.

Селезень любил серьёзные рассуждения, причём оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умён и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

— Какой ты отец? — накинулась она на мужа. — Отцы заботятся о детях, а тебе — хоть трава не расти!..

— Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват...

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло ещё весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утёнка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утёнка; но одно крылышко оказалось сломанным.

— Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую

Шейку одну,— повторяла Утка со слезами.— Все улетят, а она останется одна-одинёшенька. Да, совсем одна... Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мёрзнуть... Ведь она наша дочь, и как я её люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе...

— А другие дети?

— Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил её, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замёрзнет, — жаль, конечно а всё-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи серьёзно. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере её материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, — ведь всё равно она должна погибнуть зимой.

II

Старая Утка ввиду близившейся разлуки относилась к дочерикалке с удвоенной нежностью. Бедняжка ещё не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что её братья и сёстры так весело собираются к отлёту, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

— Ведь вы весной вернётесь? — спрашивала Серая Шейка у матери.

— Да, да, вернёмся, моя дорогая... И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Серой Шейки мать рассказала ей несколько таких же случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

— Как-нибудь, милая, пробыёшься, — успокаивала старая Утка. — Сначала поскучаешь, а потом привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на тёплый ключ, что и зимой не замерзает, — совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда... Впрочем, что же и говорить-то попусту, всё равно нам не перенести тебя туда!

— Я буду всё время думать о вас... — повторяла бедная Серая Шейка. — Всё буду думать: где вы, что вы делаете, весело ли вам? Всё равно и будет, точно и я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки... Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит. А как быстро летело время... Был уже целый ряд

холодных утренников, а от инея пожелтели берёзки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше, потому что берега оголели, — береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжёлыми осенними облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелётной птицы... Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начинали замерзать. Дольше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всех огорчал перелёт журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали её с собой. У неё еще в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небе журавлиную стаю.

«Как им должно быть, хорошо», — думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлёту. Отдельные гнёзда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодёжь с весёлым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далёкого перелёта. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости... Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для неё составляла всё.

— Нужно отправляться... пора! — говорили старики вожаки. — Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело... Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода ещё была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трёхсот штук. Слышно было только криканье главных вожаков. Старая Утка не спала всю ночь, — это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

— Ты держись вон того берега, где в реку сбегает ключик, — советовала она. — Там вода не замёрзнет целую зиму...

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая... Да, все были так заняты общим отлётом, что на неё никто не обращал внимания. У старой Утки изболелось всё сердце, глядя на бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?..

— Ну, трогай! — громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке и долго провожала глазами улетающий косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

«Неужели я совсем одна? — думала Серая Шейка, заливаясь слезами. — Лучше бы было, если бы тогда Лиса меня съела».

III

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днём тонкий, как стекло, лёд таял.

«Неужели вся река замёрзнет?» — думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она всё думала про своих улетевших братьев и сестёр. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про неё? Времени было достаточно, чтобы поду-

мать обо всём. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы. Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

— Ах, как ты меня напугала, глупая! — проговорил Заяц, немного успокоившись. — Душа в пятки ушла.. И зачем ты толчешься здесь? Ведь все утки давно улетели...

— Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я ещё была совсем маленькой...

— Уж эта мне Лиса!.. Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается... Ты берегись её, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает...

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

— Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмёшь и нырнёшь в воду, — говорил он. — А я постоянно дрожу со страху... У меня — кругом враги. Летом ещё можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

Скоро выпал и первый снег, а река всё ещё не поддавалась холоду. Всё, что замерзало по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звёздные ночи, когда всё затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать её льдом сонную. Так и случилось. Была тихая-тихая звёздная ночь. Тихо стоял тёмный лес на берегу, точно стража из великанов. Горы казались выше, как это бывает ночью. Высокий месяц обливал всё своим трепетным искрившимся светом. Бурлившая днём горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрадился холод, крепко-крепко обнял гордую, непокорную красавицу и точно прикрыл её зеркальным стеклом. Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замёрзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынья. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен. Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса,— это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

— А, старая знакомая, здравствуй! — ласково заговорила Лиса, останавливаясь на берегу. — Давненько не видались... Поздравляю с зимой.

— Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, — ответила Серая Шейка.

— Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать! А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят... Пока — до свидания!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

— Берегись, Серая Шейка: она опять придёт.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися вокруг неё чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного тёмного пятнышка. Даже голые берёзы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделали ещё важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую тёплую шубу. Да, чудно, хорошо было кругом; а бедная Серая Шейка знала только одно, что эта красота не для неё, и трепетала при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

— Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда; а не хочешь, так я сама к тебе приду. Я не спесива...

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что там лёд был ещё очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

— Какая ты глупая, уточка... Вылезай на лёд! А впрочем, до свидания! Я тороплюсь по своим делам...

Лиса начала приходить каждый день — проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали своё дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно в сажень величиной. Лёд был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая

Шейка со страха ныряла в воду, а Лиса сидела и зло подсмеивалась над ней:

— Ничего, ныряй, а я тебя всё равно съем... Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем своим заячьим сердцем:

— Ах, какая бессовестная эта Лиса... Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест её Лиса...

IV

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замёрзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц всё видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логова покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а всё-таки весело.

— Братцы, берегитесь! — крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок-охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, тёплая старухе шуба будет», — соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес как сумасшедшие.

— Ах, лукавцы! — рассердился старичок. — Вот уж я вас... Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мёрзнуть же ей... А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте, Акинтич-то похитрее будет... А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты смотри, старик, без шубы не приходи!» А вы сидеть...

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

— Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! — думал он вслух. — Ну, вот отдохну и пойду искать другую...

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по реке ползёт, — так и ползёт, точно кошка.

— Ге, ге, вот так штука! — обрадовался старичок. — К старухиной-то шубе воротник сам ползёт... Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить...

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду. Стариковские глаза видели плохо и из-за Лисы не замечали утки.

«Надо так её застрелить, чтобы воротника не испортить, — соображал старик, прицеливаясь в Лису. — А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырках окажется... Тоже своя сноровка везде надобна, а без снасти и клопа не убьёшь».

Старичок долго прицеливался, выбирал место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось на льду, — и со всех ног кинулся к полынье; по дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, то только развёл руками, — воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! — ахнул старичок, разводя руками. — В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась. Ну, и хитёр зверь.

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.

— Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе... Что же я теперь буду делать, а? Ну и грех вышел... А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено...

— Ах, глупая, глупая... Да ведь ты замёрзнешь тут или Лиса тебя съест. Да...

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

— А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. Вот-то обрадуются... А весной ты старухе яичек нанесёшь да утят выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая...

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху. «А старухе я ничего не скажу, — соображал он, направляясь домой. — Пусть её шуба с воротником вместе ещё погуляет в лесу. Главное: внучки вот как обрадуются...»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замёрзнет.

УПРЯМЫЙ КОЗЁЛ

I

Жил да поживал на свете весёлый столяр. Так его и соседи называли «весёлый столяр», потому что работал он всегда с песнями. Работает и поёт.

— Хорошо ему петь, когда у него всё есть, — говорили соседи с завистью. — И своя избушка, и коровка, и лошадка, и огород, и куры, и... даже козёл.

Действительно, у столяра было всё: и своя избушка, и лошадка, и коровка, и куры, и старый упрямый козёл. Жил он ни бедно, ни богато, а главное — всё было своё.

Сам столяр говорил:

— Слава богу, всё у меня есть...

Завистливые соседи не хотели видеть одного, — именно, что весёлый столяр всё своё добро наживал сам, своим трудом, постоянно работая, да ещё помогала ему жена. Он стругает и пилит свои доски, а жена всякую домашнюю работу справляет: и обед приготовит, и починит, и сошьёт, и с огородом управится, и за скотиной присмотрит. Одним словом, жил хорошо, и дом был полной чашей¹. А где живут хозяева хорошо, там и всем остальным хорошо. Лошадь сытая, корова — тоже, на крыше избушки ворковали голуби, под крышей весело чирикали воробьи, по двору расхаживал осанистый петух со своими курами: даже жившие под полом мыши и те были сыты.

Бывало, жена столяра кричит:

— И что это мышей у нас столько развелось? Овёс воруют у кур, хлеб тащат...

— Ну что же, и пусть их тащат! — успокаивал жену столяр. — Где же им взять? У хлеба не без крох... Жалованье они не получают, работать не умеют, а жить надо. У них тоже есть и своя семейшка, и свои детишки, — надо чем-нибудь кормиться. Ничего, нас с тобой не съедят... Наконец, у нас есть кот Васька.

Кот сидел обыкновенно на печке и делал вид, что ничего не слышит. Он не любил пустых разговоров. Скажите, пожалуйста, с какой стати он будет ловить мышей, когда сыт до отвала? Иногда он отпраплялся в амбар, ловил какого-нибудь несчастного мышонка, но не ел его, а приносил показать хозяйке.

— Ай да Вася, молодец! — хвалила его жена столяра и давала коту молока.

Кот напивался молока и дремал где-нибудь в тёплом уголке. Мышей он ловил только для собственного развлечения. Покажется скучно, ну, и сходит на охоту. Вообще серьёзный был кот Васька, и хозяйка очень его любила. Больше всего он гордился тем, что живёт в избе вместе с хозяевами и на двор выходит только погулять. Ни с кем не ссорился, не дрался и относился к другим свысока. Например, петух и козёл вечно ссорились, корили друг друга и даже вступали в драку.

— Разве так можно, господа? — ворчал кот. — Вы совсем не умеете себя держать... Впрочем, что же я говорю с вами: всё равно ничего не поймёте!

— Знаем мы тебя, старого плута, — ругался петух. — Только

¹ Полная чаша — хорошее хозяйство.

и знаешь, что лежать на солнышке... Скажите, пожалуйста, какой важный барин: лапку боится замочить. Одним словом, дрянь!

Кот ничего не отвечал, а только презрительно щурил свои зелёные глаза да поводил усами.

Козёл и петух часто ссорились. Просто возьмут и поссорятся ни из-за чего.

— Эй ты, дармояд! — кричал на весь двор забияка-петух. — Недаром говорится, что от козла — ни шерсти, ни молока...

— Тоже расхвастался, работник! — сердился козёл. — Только горло своё петушиное дерёшь да никому спать не даёшь... Вот и вся твоя работа!

— Я не работник? А кто хозяина по утрам будит? Я!.. А кто за курами смотрит, чтобы не разбежались по чужим дворам? Всё

я же!.. Везде я и обо всех должен позаботиться? А ты только даром чужое сено ешь, старый упрямый козёл...

— Чужое сено ем? Ах ты, разбойник!.. Да я тебя в мелкие крошки, хвастуна, расшибу!

Козёл наклонял голову, закрывал глаза и стремглав бросался на петуха...

— Ой, убили! Батюшки, петуха убили!.. — неистово орал петух, удирая от рассвирепевшего козла. — Караул!.. Живого петуха проклятый козёл убил!

Всех поднимал на ноги горланивший петух. Кудхтали перепуганные куры, трещали воробьи, лаял дворовый пёс Шарик, принимавший горячее участие в драке. Шарик гнался зараз и за козлом и за петухом и старался ухватить которого-нибудь зубами. Столяр хохотал до слёз, глядя на эту суматоху. Обыкновенно дело кончалось тем, что петух взлетал на забор, хлопал крыльями и орал во всё горло:

— Наша взяла, урра!.. Что, взял, проклятый козёл? Где тебе драться со мной!.. погоди, вот я тебе твои глупые глаза выцарапаю. Да, со мной, брат, шутки плохие!..

Старый упрямый козёл обыкновенно чувствовал себя в такие минуты очень скверно. Упрётся рогами в забор и старается его повалить... Тоже ведь совестно, что петух так срамит на всю улицу. Шарик из усердия лаял, как сумасшедший, и тоже бросался на забор.

— Ах, козёл, козёл, как тебе не стыдно, — смеялся столяр. — Нехорошо, брат, драться, да ещё с птицей... Ах, козёл, козёл, как тебе не стыдно!

— А ежели он хвастается? — угрюмо отвечал козёл. — Я вот ему задам.

Подзадоренный козёл отходил от забора на середину двора, разбегался и со всего разбега — хлоп! — прямо лбом в забор, — только рога трещат. Это было уж совсем смешно, так что хихикали даже воробьи, прыгая по крыше. Степенно смеялись голуби, качала головой лошадь, а петух хохотал во всё горло.

— Ну, ещё раз, козёл!.. Ха-ха!.. Пожалей забор-то, глупая голова!.. Он не виноват, что ты глуп.

— В самом деле, пожалей забор, — смеялся столяр. — Да лоб ещё самому может пригодиться... Ах, какой ты старый, упрямый козёл!..

Козёл после такой драки долго не мог успокоиться. Он вообще сердился подолгу: рассердится утром и весь день сердится,

ляжет спать — тоже сердится, проснётся ночью — ещё немножко посердится. Такой уж сердитый уродился... Раз, чтобы досадить петуху, он, как будто не нарочно, наступил на его любимую курицу. Вышел целый скандал, и петух побежал жаловаться на козла хозяину.

— Помилуйте, хозяин, этак козёл всех моих кур изуродует.

— Ну это, брат, не моё дело, — отвечал столяр. — Пусть вас хозяйка рассудит, как знает...

И жена столяра рассудила: взяла палку и пребольно побила козла.

— Вот тебе, вот тебе, упрямая твоя башка... Не дави кур, не дави кур!..

Козёл даже взревел от боли, убежал в огород и ещё сильнее рассердился на проклятого петуха.

Он долго не хотел идти обратно во двор, пока его не уговорил Шарик.

— Ну, будет тебе сердиться, — уговаривал Шарик, виляя хвостом. — Мы как-нибудь вместе вздуем петуха...

— Да, хорошо тебе говорить, а ведь бока-то мои... — ворчал козёл, уставившись рогами в землю. — Уж, кажется, я ли не служу хозяину? А что касается сена, так какое сено мне достаётся? Подбираю с земли, которое лошадь и коровы всё равно затопчут. Одно название, что сено... Положим, что я неприхотлив, а всё-таки чужого сена не ем.

Шарик был добрая собака и жалел козла. В самом деле, за что прибила его хозяйка?..

— Знаешь, что я тебе скажу, козёл, — говорил Шарик, — не стоит сердиться. Ты сделай вид, что будто ничего не заметил. И мне ведь тоже иногда достаётся от хозяйки... А я терплю. Она только и любит, что своего кота Ваську да кур. Ничего с ней не поделаешь...

— А я её как-нибудь забодаю... вот и не поделаешь.

— Нет, это уж совсем не годится, козёл... Надо терпеть... Мало ли что случается в семье? Не каждое лыко в строку...¹

В сущности, Шарик хитрил. Он больше всего любил, чтобы в доме всё было в порядке. Для чего же тогда он, Шарик, если все будут ссориться и драться? Немножко — ещё ничего, а только не постоянно.

— Ну, я их помирил, — хвастался Шарик, подходя к хозяйскому крыльцу. — Поссорились, и будет...

— Ты у меня молодец! — хвалил столяр верного пса, — Ежели разобрать, так козёл совсем добрый, только немножко упрям. Я ему так и сказал: не сердись, брось! Вообще не стоит...

Столяр любил вечером выйти во двор и посидеть на крылечке. Сядет на лесенку, закурит трубочку и смотрит. А Шарик уж тут как тут: облизывается, хвостиком виляет, лебезит².

— Ну, что, Шарик?

¹ Не каждое лыко в строку (поговорка) — нельзя каждую мелочь ставить в вину.

² Лебезить — заискивать.

— А ничего, всё в порядке. День и ночь не сплю, твой дом стерегу.

— Так, так... Молодец! Ведь ты у меня умница...

— А то как же? Какой же порядок в доме, ежели нет хорошей собаки? Это не то, что какой-нибудь дармоед, вроде кота Васьки.

— А, не любишь? Ха-ха-ха! Не забыл, видно, Васькиных когтей?..

От скуки Шарик иногда гонял жирного кота по двору, — не со злости, а так просто. Хозяйка куда-нибудь уйдёт, покажется кот на крылечке, — ну, как его не погонять, толстомордого? Правда, что Васька отчаянно защищался и два раза пребольно царапнул Шарика, но всё-таки его побаивался. Шарик завидовал Ваське, которого каждый день поили молоком, а ему, Шарику, доставались одни объедки.

II

Жил-поживал весёлый столяр, распевал песни, а чёрное горе подкралось к нему невидимкой... Захворала жена столяра, пролежала неделю-две да и отдала душу богу¹. Горько плакал бедный столяр, ходил по своей избушке и всё повторял:

— Как же я жить-то теперь буду? Ах, как я буду жить?

Пришли соседи, начали его утешать и всё говорили.

— Что ж ты так убиваешься? Всё у тебя, слава богу, есть... Ничего, и один как-нибудь проживёшь.

— Всё есть, а жены нет, — плакал столяр. — Ах, как я жить буду? Как я без жены?..

Плачет столяр, разливается, и никто его утешить не может. Похоронил потом жену, засел опять за работу, только уж не стало слышно весёлых песен в избушке. Молча работал столяр, а чёрное горе молча его глодало.

Трудно было жить столяру одному, и взял он себе одну бедную старушку, которая управлялась бы по хозяйству, — самому ему не поспеть везде, а то хоть работу бросай! И пошло всё вверх дном...² И обед вовремя не готов, и кушанье не так приготовлено, и скотина сидит голодная, и в огороде ничего не родится.

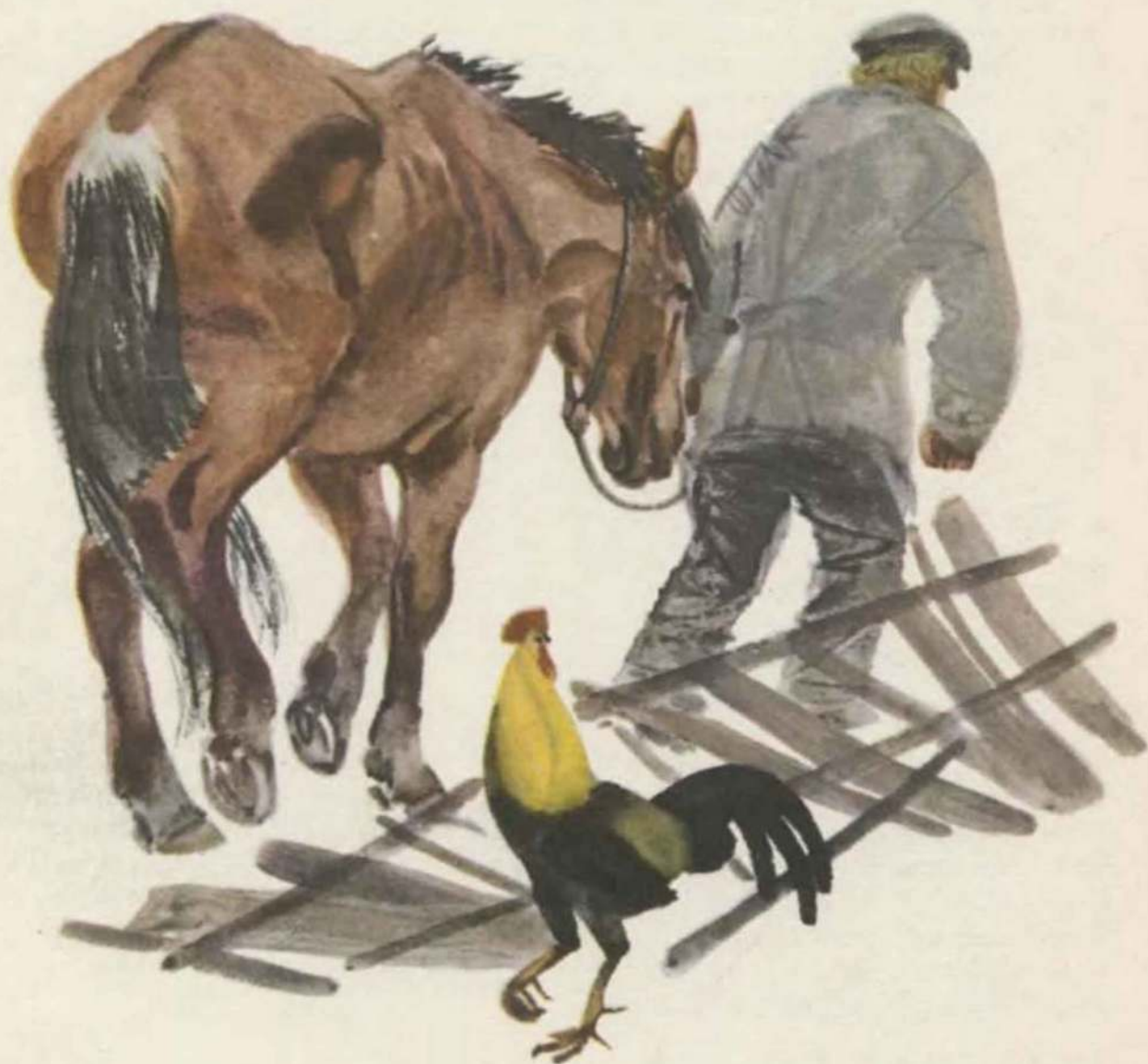
— Дрянь дела, — ворчал петух, щёлкая носом от голода. — Этак, пожалуй, подохнуть можно...

¹ Отдать душу богу — умереть.

² Вверх дном — беспорядок.

Куры тоже ворчали и начали меньше класть яиц. Голодавшая корова сразу сбавила молока: лошадь похудела, обросла голодной шерстью, — и все роптали¹. Ничего не говорил один козёл, хоть и голодал вместе с другими. Что же тут говорить? Была жива хозяйка в дому, и всем было хорошо; не стало хозяйки — ну, значит, нужно терпеть.

¹ Роптать — высказывать недовольство.

Соседи, которые раньше завидовали весёлому столяру, теперь говорили между собой:

— А мы думали, что он, столяр, умный... Огород запустил, скотину заморил, в доме никакого порядка нет... Какой же он умный столяр?

Самые добрые соседи нарочно приходили к столяру, качали головами, жалели и говорили всё это вслух:

— А мы-то думали, что ты умный.

Столяр и сам видел, что всё у него идёт из рук вон плохо — не смотрел бы ни на что. Особенно тошно ему делалось по вечерам... Начал столяр уходить вечерами из дому куда-нибудь в соседи. Всё-таки на людях как будто и повеселее, то есть даже и не веселее, а время как-то незаметно проходит. Глядишь, вечера и нет; а тут, глядишь, и спать пора... Прежде столяр работал по вечерам, а теперь работа лежала на полке.

— Успею как-нибудь, — утешал он самого себя. — Работа не медведь — в лес не уйдёт!

Пошло плохо с работой. С одним заказом не поспел, другой упустил, третьего не дали... Стал думать столяр так: «Я-то ведь тот же, а это другие мне нарочно зло делают. Позавидовали моему достатку...¹ Ничего, справимся!» Начал столяр подозревать других, что это они виноваты.

Начал он даже на скотину сердиться. Почему корова молока не даёт? Почему лошадь не хочет возить по-прежнему? Почему куры перестали класть яйца?

«Да для чего они мне все? — подумал столяр. — Проживу и без них, а то только хлопоты одни да неприятности...»

Кончилось тем, что столяр вывел лошадь и корову на базар и продал.

Жаль было продавать, да нельзя, видно, миновать.

— Да он совсем глупый-то, — заговорили соседки. — И кто это сказал, что он умный?.. Всё хозяйство зорит...²

Соседи говорят своё, а столяр думает своё. Раньше было другое, и он был другой, а теперь ему ничего не нужно. Пусть идёт всё крахом³; сам наживал, сам и проживает.

Без лошади и коровы всем пришлось плохо. Бывало, от лошади и куры покормятся, и мышь стащит малую толику, и козлу до-

¹ Достаток — богатство.

² Зорит — разорять.

³ Пусть идёт всё крахом — пусть всё пропадает.

станутся обеды. То же и с коровой. Петух начал жаловаться громко:

— Житья совсем не стало... А наш хозяин дурак!..

Голуби тоже ворчали: ходят-ходят по двору, и хоть бы одно зёрнышко где завалилось. Ворчали воробьи:

— Какой же он хозяин, если воробья накормить нечем? Он нас доведёт до того, что мы уйдём к другому хозяину... Пусть останется один и живёт как знает.

— И мы тоже уйдём,— пищали мыши.— Недохнуть же нам с голоду?... Конечно, жаль его одного оставлять, да ничего не поделаешь.

Одним словом, поднялся настоящий бунт. Все были недовольны. Молчал только один упрямый козёл. Правда, он наполовину наедался в поле, а другую половину добывал по соседям. Иногда ему крепко доставалось за это; часто его били; но козёл был терпелив и только удивлялся, как это не поймут, что он хочет есть.

Где сенца стащит, где клок соломы, а где и палки отведаёт, за всем не угоняешься...

— Вот озорник! — ругали козла соседи. — В хозяина пошёл: такой же забулдыга...¹

А столяр всё видел и слышал и ничего не говорил. Что же поделаешь, пусть уходят все... Было время, были и -сыты, и довольны, а теперь голодной мыши негде поесть. Видел столяр, как воробьи разлетались по соседям, — нетерпеливый народ! Видел, как за ними ушли голуби. Последними тронулись мыши. Одна старая мышь даже подошла к окну, покачала головой и сказала на прощанье:

— Ах, нехорошо, хозяин!.. Да, нехорошо... А всё ты виноват... Мы думали, что ты умный.

— Уходите, уходите! — говорил столяр. — Ничего я поделаться не могу.

— Мы бы, пожалуй, и остались, — говорила мышь, — да не стало житья от проклятого кота Васьки... Раньше-то он не беспокоил нас, а нынче не выходит из амбара. Если бы жива была хозяйка, да была корова, да поили каждый день Ваську молоком... Ах, хозяин, хозяин, вот как нехорошо!..

Кот Васька действительно здорово голодал. Сидит-сидит на печке и промяукает:

— Молочка бы Васе... ах, молочка!..

— Вот я тебе задам такого молочка, что ты у меня узнаешь!.. — ругался столяр. — Ишь, неженка! Ступай, лови мышей: твоё ремесло...

Похудел Васька с горя, шерсть вылезла, глаза начали слезиться, — одним словом, был хороший кот, а теперь сделался дрянным. Выйдет во двор и мяучит:

— Нет хозяйки, нет молочка...

Приуныл и Шарик и больше не гонялся за котом. Не до того, когда у самого живот подвело с голоду. А хозяин точно не видит ничего... Тоже хорош! Раньше по вечерам в соседи уходил, а теперь начал с утра пропадать. Домой приходил только ночевать. Раз пришёл столяр только утром и совсем пьяный. Присел на крылечко и заплакал.

— Тошно мне! Скучно...

Пожалел хозяина Шарик, подошёл к нему, приласкался.

— Ах, это ты, Шарик!..

¹ Забулдыга — гуляка.

Обнял столяр Шарика и ещё больше заплакал.

— Тошно мне, Шарик!.. Не стало хозяйки, и ничего не стало. Дом совсем пустой стоит... Ах, нехорошо... А ведь всё было, Шарик!.. Дом стоял, как полная чаша.

Что мог сказать Шарик? Он только повилял своим пушистым хвостом, лизнул хозяйскую руку и жалобно взвизгнул.

— Тоска меня съела, Шарик... Ничего мне не нужно, ничего не жаль... Работа из рук валится.

Подошли к крылечку козёл и петух. Козёл улёгся на ступеньке, а петух стал на одну ногу и слушал.

— А, это вы!.. — удивлялся столяр. — Отчего вы не убежали?

— Вот тоже придумал! — рассердился козёл, мотая бородой.

— Куда это мы пойдём? Я не согласен...

— Где твои куры? — спрашивает столяр петуха.

— С голоду разбежались по соседям, хозяин, — отвечал петух, переступая на другую ногу. — Что же им было тут делать? Даже мыши и те ушли...

— И вы уходите, все уходите, никого мне не нужно! — говорил столяр, закрывая лицо руками. — Кончено всё!..

— Ну, это мы ещё посмотрим... — ответил петух. — Ты знаешь, что я шутить не люблю. Куда мы пойдём?

— Я тоже не согласен... — подтвердил козёл.

III

Дела у столяра шли хуже и хуже... Он сам видел, что плохо, и ничего не мог поделать. Раньше он уходил из дому по вечерам, а теперь начал пропадать по целым дням. Тяжело было возвращаться в пустой дом. Чтобы не покупать дров, столяр сначала сжёг амбар, потом конюшню, потом ворота, потом забор кругом двора. Избушка теперь стояла на пустыре.

— Что же, я могу жить под крыльцом, — говорил козёл. — Шарик, ты немного потеснишься, а вдвоём нам будет теплее.

Шарик не спорил. Отчего же и не потесниться для друга?.. Петух устроился под крышей и тоже не унывал. Что же, можно жить, если бы хозяин ещё давал каждый день хоть одну горсточку овса. Иногда вечером все собирались около крыльца и рассуждали о своих делах.

— Нет ничего лучше молочка, — говорил кот Васька, усаживаясь на крылечке.

— Что молочко, а вот если бы, например, овёс или крупа, это будет лучше,— спорил петух.

— Пустяки вы говорите,— уверял Шарик,— уж если что действительно хорошо, так это косточки... Сколько я на своём веку съел костей и знаю толк в еде! ¹ Да...

¹ Знать толк в еде — любить вкусное.

— Хорошо и сенца пожевать... — вставил своё слово козёл. — Когда лошадь и корова были, так я до отвалу наедался. Бывало, ночью встанешь и ешь... Вы глупы и не знаете толка в хорошем сене.

Раньше они любили поговорить о своём хозяине и часто его бранили; а теперь нечего было даже говорить. Когда он появлялся домой, каждый старался не попадаться ему на глаза. Приходил столяр обыкновенно сердитый, и лучше было с ним не встречаться. Утром проснётся, с похмелья — ещё сердитее. Раз чуть не переломал ноги Шарику камнем, так что верный пёс озлился и оскалил зубы.

— Да ты, кажется, с ума сошёл? — ворчал Шарик, поджав хвост. — Этак можно и совсем убить...

— А ты у меня поговори!.. Ох, не смотрел бы я на вас!.. Без вас тошно...

— Сам виноват, зачем не работаешь?.. Зачем пьянствуешь?

— Ты меня учить? Да я тебя разорву... Без вас знаю, что делать.

Чтобы доказать свою правду, столяр схватил палку и запустил ею в Шарика.

Бедная собака едва успела унести ноги.

— Я вам покажу, какой я человек! — вскричал столяр. — Ну, пью, ну, не работаю и никого знать не хочу...

Он ходил по своему пустырю, бранился и кому-то грозил кулаком. Ведь все были виноваты, а он прав. И он, столяр, умнее всех.

В другой раз, проснувшись утром с больной головой, столяр услышал, как петух пропел своё «кукареку». Это показалось столяру обидным: у него голова трещит, а петух горло дерёт, как сумасшедший... И для чего, подумаешь, надрывается глупая птица? Потом у столяра мелькнула в голове счастливая мысль. Он разыскал сухую корочку, разломал её в крошки и вышел на крыльцо. Петух ходил по пустырю.

— Здравствуй, хозяин! Кр-р-р...

— Здравствуй, Петя! Хочешь хлеба поклевать? Да ну же, иди сюда.

Петух сделал голову набок, посмотрел на брошенные крошки, посмотрел на хозяина и ответил:

— Эге, ты за кого это меня считаешь, хозяин? Я ещё не настолько глуп, чтобы за несколько крошек попасть тебе на жаркое... Шалишь, брат!..

— Да ты иди, Петька... Ну, ну, иди же, говорят тебе! Потолкуем...

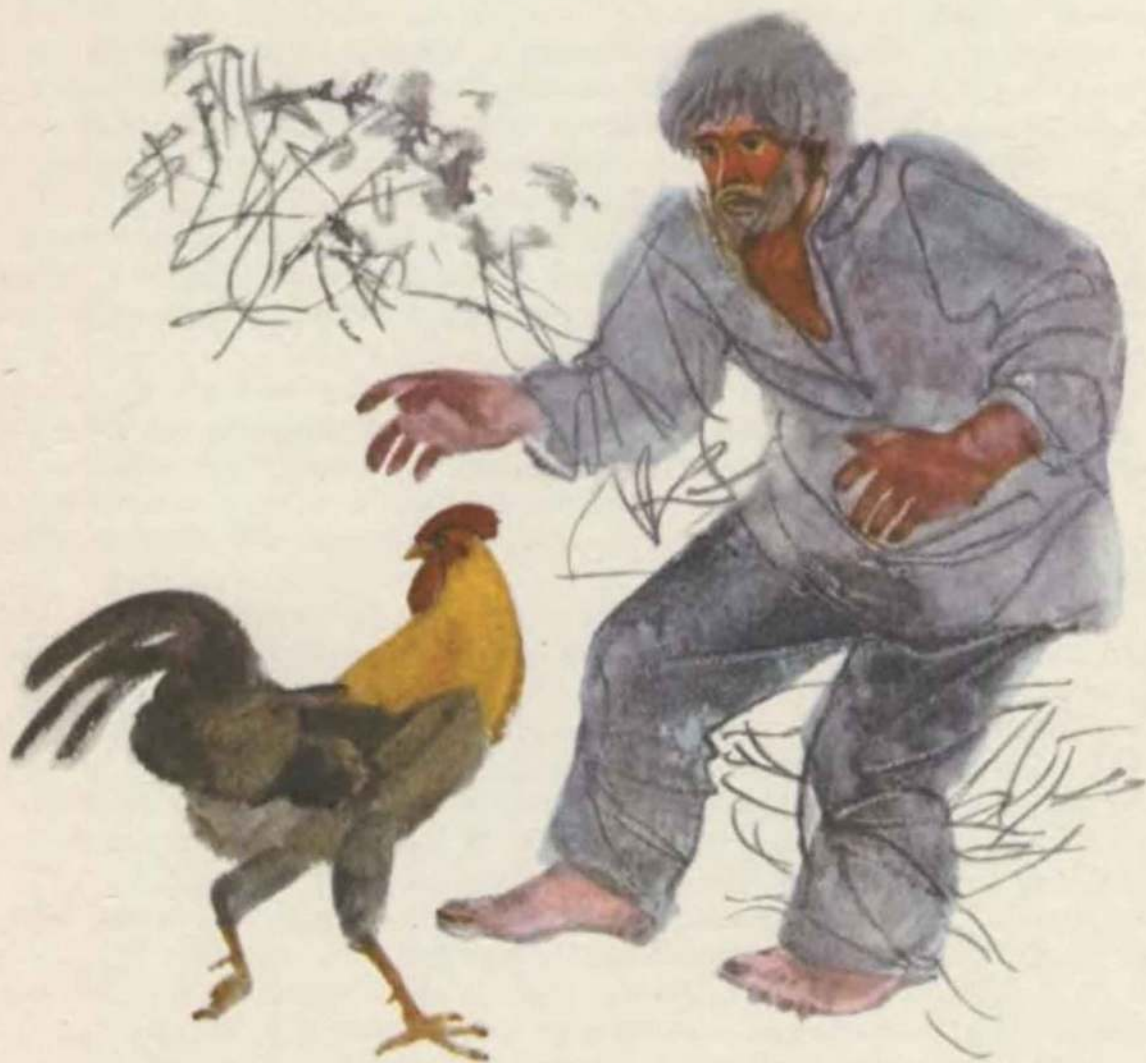
— А ты меня съешь?

— Нет, не съем...

— Нет, съешь.

— Ну, если ты не хочешь идти, так я к тебе сам подойду...

Столяр рассердился на глупого петуха и, схватив камень, бросился за ним. Петух страшно перепугался, расправил крылья и заорал благим матом:

— Ой, батюшки, убили... живого петуха убили... Караул... Батюшки, батюшки!..

Долго гонялся столяр за петухом, бросал в него камни и ничего не мог поделывать. Живое жаркое увёртывалось у него из-под носу самым обидным образом... Петух спасся только тем, что бежал кругом избушки и ловко скрывался. И козёл, и Шарик видели всё это, но не гонялись за петухом, как бывало раньше при домашних ссорах.

Теперь было другое. Наконец столяр выбился из сил, присел на крылечко и, схватившись руками за голову, горько заплакал.

Обиженный до глубины души, петух отошёл и ждал, что будет дальше.

— Если бы у меня была конюшня, я загнал бы петуха в неё, и там-то уж он не ушёл бы от меня, — плакался столяр, качая головой. — Ах, я несчастный!.. Петух и тот не слушается меня.

— А ты попробуй съесть Шарика! — крикнул петух издали, оправляя смявшиеся перья. — Тоже придумал... Ведь всего и птицы осталось, что я один. Вот воробьи и голуби давно разлетелись по соседям, а я остался. Жаль мне тебя, хозяин... Старого добра не помнишь. Видно, забыл, сколько лет я тебе служил верой и правдой.

Козёл стоял посреди пустыря, уставившись глазами в землю, и молча сердился на хозяина. Давно ли попрекал его за драки с петухом, а сам-то что делает? Тоже хорош, нечего сказать!..

«Вот сиди теперь один, — думал козёл. — а я и не подойду!.. Сегодня последнего петуха съел бы, а завтра... И думать противно».

Пожалел хозяина один Шарик. Верный пёс не помнил зла. Он обошёл крыльцо кругом, остановился перед хозяином и ласково вильнул хвостом.

— Будет тебе плакать, хозяин... Нехорошо.

— Кто это говорит? Ах, это ты, Шарик...

Шарик прыгнул к хозяину и припал головой к нему на колени. Столяр взял его за шею и обнял. А у самого слёзы так и каплют на умную собачью морду.

— Ах, Шарик, Шарик... Один ты у меня друг остался... Да, один... Помнишь, как мы поживали да добра наживали?

— Отлично помню, хозяин... всё у нас было. Одних костей сколько мне доставалось... А теперь забыл, чем кости пахнут.

— У тебя кости на уме, а у меня вся душа изболелась. Я сам

себя начинаю ненавидеть. И лентяй, и пьяница... Добрые люди от меня начинают сторониться. Не такой ведь я был раньше-то. Тоска меня заела.

Жаль стало Шарику хозяина, и он только слабо взвизгивал, помахивая своим пушистым хвостом.

— Скучно мне, тошно... — повторял столяр, поднимая собаку. — Точно всё у меня порвалось внутри и сам я чужой себе.

IV

Плохо жил столяр, и чем дальше, тем хуже. Хотел даже последнюю свою избушку продать и как-то вечером привёл покупателя... Ходят вдвоём, осматривают избушку, покупатель в стену постукивает, — не сгнили ли брёвна.

— Да уж отличная избушка, — уверял столяр. — Не на продажу строилась.

Покупатель не верил чужим словам, а только своим глазам. Осмотрев избу, он полез под крыльцо: нет ли, мол, там какого изъяна... А под крыльцом лежал козёл. Как увидел он чужого человека, поднялся и сейчас его на рога, — так ударил, что чуть глаза не вышиб.

— Это у тебя что за генерал лежит? — ругался покупатель, вылезая из-под крыльца. — Чуть не убил до смерти, проклятый...

Столяр рассердился и принялся гнать козла. Но это было не так-то легко сделать: упёрся козёл, и делу конец! Не пустил под крыльцо даже хозяина.

— Не глядевши, я не могу покупать, — заявил покупатель.

— Да ведь что же я поделаю с ним, с упрямым чёртом?

— Дело твоё...

Слово за слово, столяр и покупатель заспорили; разгорячились и чуть не подрались. На шум сбежались соседи и едва их разняли.

— Ты сам козёл! — ругал столяра покупатель. — Вам вместе под крыльцом жить надо...

Так продажа и не состоялась, а столяр окончательно рассердился на старого упрямого козла. В самом деле, что он живёт зря, то есть козёл? Петуха хоть зажарить можно. Шарик дом стережёт, кот Васька мышей ловит, а этот уж совсем ни к чему.

Чем больше думал столяр, тем больше убеждался, что козёл совершенно ему не нужен и даже как будто мешает. Разве нельзя

прожить без козла? А потом столяр всё сильнее сердился на него, потому что козёл помешал продать избушку.

— Этакая проклятая тварь навязалась! — бранился столяр, припоминая ссору с покупателем. — Он и меня на рога чуть не поддел... погоди, брат, я тебе удружу! Будешь меня помнить, проклятая скотина...

Сказано — сделано. Поймал столяр козла за рога, накинул на шею верёвку и повёл продавать. Как ни упрямился козёл, как ни брыкался, а ничего не мог поделать, особенно когда столяру начали помогать соседи: кто хворостиной, кто палкой погонял сзади. У соседей были старые счёты с козлом: кого лягнул, кого боднул, у кого сена клок стащил, у кого капусту в огороде съел. Все рады, что избавятся наконец от козла. Туда ему и дорога...

— Тащи его! — кричали соседи, подстёгивая упиравшегося козла. — Недаром говорится, что от козла — ни шерсти, ни молока... Да и нам спокойнее. В прошлом году тётке Матрёне два зуба вышиб...

Никто не прибавил, что тётка Матрёна три раза обливала козла кипятком. Впрочем, козёл уже давно привык к несправедливости и не обращал внимания на неблагоприятных соседей. Гонят сами, а сами не понимают, что бывают козлы гораздо хуже. Да, совсем скверные козлы.

Вывел столяр козла на рынок и простоял целый день. Никому не нужно козла... Ещё обиднее сделалось столяру: какая же это скотина, которой никому даром не нужно? В сердцах столяр несколько раз пребольно пнул ногой козла прямо в бок.

— Из-за тебя только целый день потерял...

— А я с тобой и разговаривать не желаю!

— Хорошо, погоди, я тебе и не так удружу!

Когда все покупатели разошлись с рынка, столяр повёл козла знакомому купцу. Привёл на двор и давай расхваливать.

— Благодарить будете, ваше степенство, потому что это не козёл, а клад. Уж сколько он умён да догадлив... Ну-ка, Вася, тряхни бородкой! Уж другого такого козла днём с огнём не сыскать...

— Нахваливай пуще... — ворчал козёл, мотая бородой, — Только смотри, не подавись от вранья...

— И смыслённый какой... — нахваливал столяр. — Его и кормить совсем не надо: сам себе пропитание добудет.

— Ну, это ты уж совсем напрасно, — рассердился козёл. —

Хоть один раз закусить хорошенько... Давненько я не едал по-настоящему.

Понравился упрямый козёл купцу. Как раз ему вот такого и нужно. Да и ребятишкам забава... Ударили по рукам, и столяр получил за козла целых три рубля. Давно у него не было в руках таких денег, и с радости столяр напился пьян.

Просыпается утром на другой день, а кот Васька с печки ему мяукает:

— Дяденька, а козёл-то опять у нас. Прибежал с верёвкой на шее...

— Ну, это его дело, а я его больше не знаю...

Пришёл от купца дворник с кучером и вытащили козла за рога, зацепили верёвкой и потащили к новому хозяину, только бока трещат.

— Чего ты упираешься-то? — удивлялся столяр. — Там, по крайней мере, сыт будешь...

— Ну, это дело моё, — ответил сердито козёл. — В гостях хорошо, а дома лучше того...

Прошло два дня, и козёл опять вернулся домой. Пришли за ним два дворника и два кучера и принялись бить. Даже столяру сделалось жаль упрямую скотину.

— Ну, перестань, не упрямься, — уговаривал он козла.

Посмотрел на него козёл исподлобья, нахмурился и проговорил всего одно слово:

— Эх ты, бесстыдник!..

Задумался столяр. Мудрёный козёл: не хочет жить у купца, где сладко поят и кормят, а рвётся домой, в избушку, где хоть шаром покати¹, голодной мыши нечем накормить. Потом сделалось столяру совсем совестно... А козёл опять пришёл. Идёт по улице и прихрамывает. Даже соседи и те пожалели: «Ах, бедный козлик!» Забился козёл под своё крыльцо и лежит туча тучей. Добыл столяр немного хлеба и снёс козлу.

— На вот, покушай, упрямая башка...

Козёл даже не шевельнулся. И на хлеб не смотрит... Ещё совестнее сделалось столяру. Ведь вот скотина, бессловесная тварь, а своего угла ни за что не желает менять. И вот Васька тоже, и петух, и Шарик... Отправился столяр к купцу и говорит:

— Ваше степенство, как же мы относительно козлика? Он опять прибежал ко мне...

— Ты меня обманул, — говорит купец, — продавал козла за умного, а он хуже чёрта. Вот кучера да дворники совсем замазались с ним. Все руки, говорят, отколотили о проклятого козла. Совсем глупый козёл...

— Нет, ваше степенство, совсем даже не глупый он. Да... Поумнее будет дурака-то хозяина, потому как он свой дом знает. Уступите его мне обратно, а деньги я вам отработаю.

— Да бери хоть даром. Всё равно не будет у меня жить...

— Нет уж, зачем даром. Это нехорошо...

Вернулся домой столяр такой весёлый и принялся за свою работу.

Давно его таким не видали. Опять засвистела пила и полетели стружки... Опять соседи слышали, как поёт столяр, работает и поёт.

¹ Хоть шаром покати — пусто, ничего нет.

— Ну, теперь у нас всё пойдёт хорошо, — говорит Шарик, — хозяин поёт, значит, беда прошла...

Вылез из-под крыльца козёл, посмотрел кругом, мотнул бородой и сказал:

— Кабы не я, так все бы вы пропали тут...

Через год около избушки появились и новый забор, и новые ворота, и новый сарай. Прилетели голуби, зачирикали воробьи, вернулась старая мышь со всем семейством.

— Это он для нас, для мышей, выстроил, — уверяла мышь, осматривая сарай. — Ничего, как-нибудь поместимся... Ведь я ему говорила тогда, что не проживёт он без нас.

ЗЕЛЁНАЯ ВОЙНА

I

Братцы, вот я! — весело крикнул Репей, выглядывая из земли зелёной почкой. — Ух, как долго я спал!.. Здравствуйте, братцы!

Когда он посмотрел кругом, то понял, почему никто не откликнулся: он выглянул из земли почти первый. Только кое-где ещё начинали показываться зелёненькие усики безымянной травки. Впрочем, у самого забора уже росла острая крапива, — эта жгучая дама являлась всегда раньше всех. Репей даже рассердился немного, что он опоздал.

— Вы что же молчите? — обратился он к Крапиве. — Кажется, я был вежлив...

— А что же мне говорить? — заворчала Крапива: она вечно была чем-нибудь недовольна. — Только выскочил из земли, и давай орать... Вот посмотрите, как себя умно ведёт Чертополох: растёт себе потихоньку.

— Ах, не говорите мне про Чертополох... Он молчит, потому что глуп. Да, очень глуп, бедняжка... Впрочем, я это так, к слову. Я знаю, Крапива, что вы давно равнодушны к этому колючему господину...

— Кажется, это не ваше дело, умный болтун! — отозвался выведенный из терпения Чертополох.

— Виноват, я к слову... Действительно, меня это несколько не касается. Да... А всё-таки я рад встретить старых знакомых. Помилуйте, сколько лет вместе растём у одного забора... Одним словом, соседи. Нет, я не сержусь на вас, Чертополох, хотя вы и могли бы быть повежливее. Впрочем, всё зависит от воспитания, и вы не виноваты, что не знаете первых правил приличия...

— Ну, пошёл молоть!.. — ворчал Чертополох. — Для чего только рождаются такие болтуны? Напрасно землю занимают и другим мешают...

— Значит, по-вашему, я лишний? — обернулся Репей. — Я? Лишний? Ха-ха!.. Вот это недурно сказано! Желал бы я знать, кто украшает весь огород?.. Да, я украшаю, господа! Всем это известно и, кажется, не требует доказательств. Один рост чего стоит; а потом — какие листья!.. Должен признаться, что я по ошибке попал в ваше общество, то есть на задворки. Моё настоящее место где-нибудь в оранжерее... Скажите, пожалуйста, чем лучше все эти пальмы? Дайте-ка мне хорошую пищу, побольше света и тепла, так я бы их всех за пояс заткнул. Просто ко мне относятся несправедливо, и я вынужден скитаться под заборами... Да, люди несправедливы и сами виноваты, что не могут понять настоящей красоты.

— Да... особенно — ваших цветов прекрасных!.. Нечего сказать, хороши цветы... Просто какие-то шишки! — ядовито заметила Крапива. — Вот у Чертополоха так цветы, а тут — колючие шишки.

Крапива и Репей частенько ссорились между собой, ссорились просто так, от нечего делать. Чертополох обыкновенно молчал и вступался только тогда, когда Репей очень уж начинал хвастать. Положим, и Крапива была хороша, — всех бы жалила; но что вы поделаете с женщиной, когда она желает сердиться?

А весна шла быстрыми шагами. Солнышко так и пригревало

оттаявшую землю. Огород и задворки, заглушенные сухим бурьяном и сорной травой, начинали принимать весёлый вид, точно принаряжались к какому-то празднику. Везде показывалась светлая весенняя зелень, точно развёртывался дорогой бархатный ковёр... Поднималась молодая крапива, чертополох, репей, лебеда. Все эти сорные травы росли с необыкновенной быстротой, как будто стараясь перегнать друг друга. Скоро выглянул жёлтым глазком Одуванчик и крикнул:

— Здравствуйте, братцы!..

Одуванчик был славный малый, а главное, ни с кем не ссорился. Растёт себе и радуется. Его все любили, а особенно серебряная Лебеда, тоже скромная и безобидная травка. Они так и росли вместе, как брат с сестрой.

— Ты меня любишь, Лебеда? — шёпотом спрашивал Одуванчик вечером, складывая свой жёлтый цветочек.

— Ах, очень, очень люблю!.. — признавалась тоже шёпотом Лебеда, опуская свои зелёные листочки, точно посыпанные серебряной мукой. — Вы такой вежливый, Одуванчик, не то что Репей или Чертополох. А Крапивы я боюсь, — она такая злая. Я стараюсь всегда быть подальше от неё...

— Я тоже... Неприятная дама!.. Её даже коровы боятся и люди тоже. Так и вцепится...

Остались незаросшими только гряды, где взрытая земля так неприятно чернела. А какая там была отличная почва!.. Сорные травы всегда смотрели на неё с завистью. Вот бы где отлично было устроиться.

— Я не понимаю, почему мы должны жаться у заборов, — ворчал Репей. — На грядах земля такая мягкая, как пух, и потом так много солнца...

— А ты попробуй устроиться на гряде, — ехидно советовала Крапива.

— Устроиться не долго, да только из этого не выйдет толка...хлопот много.

— Ты боишься хозяйки?

— Что мне её бояться? Я никого не боюсь. А только это несправедливо, что нас загнали к забору. Чем мы хуже других?

Пока гряды не были вскопаны, в огород заходила разная скотина. Впрочем, коровы не трогали сорной травы, а только пощипывали зелёную травку.

Вот другое дело, когда забрался однажды козёл. Он прямо попал на Репей и съел у него целый лист.

— Ах, какой нахал! — ругался Репей. — Это, наконец, невежливо... погоди, вот я тебя осенью украшу всеми своими шишками... Будешь меня помнить, негодная тварь!

От козла досталось и бедному Одуванчику, и Лебеде: они тоже недосчитались зелёных листьев. Он не тронул только Крапивы и Чертополоха.

— Благородное животное козёл!.. — ехидно уверяла всех Крапива. — Он никогда не затопчет... Не то что корова или лошадь.

II

Скоро земля совсем оттаяла, и в огород пришла хозяйка. Это была низенькая старушка в тёмном платочке. Огород для неё составлял главную статью дохода: и сама сыта, да ещё на рынке столько овощу разного продаст. Посмотрела, посмотрела старушка кругом и говорит:

— Пора гряды копать...

А потом ещё посмотрела кругом, покачала головой и говорит:

— Откуда только берётся эта сорная трава?.. И когда успела вырасти?.. Ведь никому она не нужна...

Репей обиделся на старушку за всех товарищей.

— Вот тоже выдумала: никому не нужны!.. Это мы-то не нужны? Вот ты, старушонка, действительно никому не нужна, — и давно тебе пора помирать... И тебя не будет, а мы всё-таки будем расти. Вся разница в том, что будет у нас другая хозяйка, подобнее.

На другой день старушка опять явилась в огород и привела с собой внучку Машу.

— Стара я стала, внучка, одной не управиться, а твоё дело — молодое, в охотку поработаешь.

— Ничего, бабушка, поработаю. Да и какая это работа? Одно удовольствие...

Начали бабушка с внучкой гряды копать. Бабушка кряхтит, кряхтит, едва полгряды выкопает, а у внучки уже целая грядка готова.

— Ай да внучка! Ай да умница! — похваливает старушка. — И я прежде вот так же скоро всё делала, а теперь едва спину разогну...

А Маша только смеётся. Копает да ещё песни поёт. Не работа, а забава. Здоровая девушка, — в охотку поработать... Дней в

пять всё было кончено. Посмотрела Маша на свою работу, полюбовалась и говорит:

— А что, бабушка, у тебя вот там место под забором даром пропадает? Вот бы малины посадить, да крыжовнику, да смородины... Очень уж я малину люблю, бабушка.

— Так, внучка, так, милая... и в самом деле, посадим-ка малинки, да смородинки, да крыжовнику. Которую ягоду сами съедим, а которую на базаре продадим... Я уж давно об этом сама подумывала, да всё как-то руки не доходили.

Обрадовалась старушка новой статье дохода, благо у внучки руки здоровые. Сказано — сделано. Накупила старушка у знакомого садовника и малины, и смородины, и крыжовника, и началась работа. Маша вдоль забора накопала ям и принялась рассаживать в них кусты. От этой работы больше всего досталось Крапиве.

— Что же это такое, — кричала она на весь огород, — этак и совсем житья не будет!.. Караул!..

В отчаянье она несколько раз пребольно ужалила белые руки бойкой внучки.

— Вот тебе, вот тебе, выдумщица!..

— Ах, проклятая крапива, как она больно жжётся!.. — жаловалась Маша, помахивая рукой.

— Я всех сожгу, — шипела Крапива.

— Откуда она только берётся! — удивилась опять старушка. — Ведь никто её, кажется, не садит...

III

Гораздо скорее начали расти все овощи после полотья.

— Ишь дармоеды!.. — ворчал Репей. — Небось своего ума не хватило, чтобы расти в готовой гряде. Эх вы, белоручки!..

— Молчи, мужик, — крикнул с гряды молодой Горох, начинавший завиваться около своей тычинки, — не твоё дело...

— А ты, хвастун!.. погоди, вот тебя воробыи заклюют.

— Значит, сладко, если клюют... А вот тебя так никому не нужно.

— Оттого и не нужно, что я для себя расту, а ты для других стараешься.

Одним словом, что ни день, то новый спор. Нашла коса на камень, и хвастун попал на хвастуна.

На гряды теперь любо было посмотреть. Всё зеленело и быстро росло. И простоватая свекла, и кокетливая морковка, и горькая редька, и капуста. Вся беда, что мало было кавалеров — все наперечёт: хвастун Горох да горький Лук. Впрочем, Лук понимал своё положение и старался расти поближе к Редьке, — такая же горечь, так уж вместе бог велел расти.

— У меня все красавицы растут, — хвастался Горох. — А всех лучше Морковка... Вот какие у неё листочки прорезные, точно зелёные кудерьки. Так сами и выются...

Морква делала вид, что не слышит этих похвал, и только всё краснела и краснела. И приятно, и стыдно. Конечно, верить Гороху нельзя; а всё-таки, когда так начинают хвалить прямо в глаза, невольно как-то хочется верить. Скромная Морковка начинала про себя думать, что в самом деле она лучше всех, и ещё больше краснела.

Вот другое дело Редька; толстеет себе, как купчиха, и ничего знать не хочет.

Споры часто заходили так далеко, чуть не до настоящей ссоры. Главными зачинщиками являлись Горох и Репей.

— Эй ты, мужик! — кричал обыкновенно Горох. — Никому-то тебя не нужно. Тебя даже и скотина не ест... Для чего ты растёшь?

— Для себя расту, — отвечал Репей с гордостью. — А что касается того, что я никому не нужен, так это ты весьма ошибаешься... Куда человек — туда и я; значит, и я на что-нибудь нужен. Тысячу вёрст человек прошёл, и я за ним... Для меня всё равно — холод и жар: я не прихотлив. А ты — неженка. Тебя и садить нужно, и беречь, а я всё сам. Вот теперь и сообрази, что всё это значит...

— Моя хозяйка говорит, что ты никому не нужен.

— Мало ли что она скажет!.. Вот осень настанет, вот она и примется выбирать вас всех из гряды; а я-то останусь на том же месте. Вот тебе и не нужен... Тебя каждый козёл съест; а я так вцеплюсь в него, что не обрадуется. Всю бороду ему зацеплю, — не отдерёт потом. И Крапива тоже построит за себя, и Чертополох... Мы уже все заодно живём. Без нас-то какой огород может быть?.. Да, подумай-ка своим умом... Ежели разобрать, так я гораздо поважнее тебя буду и постарше. Конечно, меня мало ценят, ну, да это всё равно. Я мало обращаю внимания, что про меня говорят. Они своё говорят, а я своё делаю. Так-то, милый друг!.. Одним словом, жаль мне тебя, потому что ты чужим умом живёшь. Легкомысленный овощ, и больше ничего. До первого мороза тебе и жить.

— У всякого своя судьба, Репей. У тебя кожа толстая, — вот и не боишься мороза; а у меня листочки нежные, сам я тоненький... Одним словом, деликатное растение.

Так дело шло день за днём. Лето проходит быстро, — его вспоминают, когда оно пройдёт. Так было и тут. Гряды в огороде покрылись густой зеленью. Капуста разбухла до того, что верхние листья на ней лопались. Горох отцвёл и покрылся стручьями. Малина начала созревать, хотя на первый год ягод и немного было.

Внучка Маша, кажется, больше всего заботилась о ягодах. Нет-нет и заглядывает в огород. То репку сорвёт, то спелую ягодку ущипнёт. Крапива и тут не унималась. С горя она нынче выросла большая-большая и не упускала случая обжечь прихотницу-внучку.

— У, гадкая! — ворчала девушка, пряча руки.

Скоро ягоды были обобраны, и очередь наступила овощам.

Началось дело с гороха. Перерастёт — невкусный будет. Потом редьке и луку досталось. Потом дело дошло до свёклы и моркови. Старушка приходила каждое утро и вырывала созревшие овощи, чтобы снести их на базар.

— Что, дармоеды? — торжествовал Репей. — Пришла ваша пора... всех вас старушонка перетаскает на базар. Так вам и надо — не хвастайтесь... Погодите, вот ударит мороз, — всем конец.

И мороз ударил... Почернела ботва у картофеля, пожелтел горох, начали обваливаться засыхавшие листья. Пришла старушка вместе с внучкой и принялась за работу. Вместе они повыдергали весь картофель, морковь, репу и свёклу и целых два дня обрезывали ботву. Гряды приняли такой печальный вид, точно по ним прошёл неприятель. В бороздах валялись целые вороха обрезан-

ных листьев, точно старое, изношенное платье, которое уже никому не нужно.

Дольше других на грядках оставались лук, редька да капуста. Они не боялись морозов. Но и их очередь наступила. Опять пришла старушка с внучкой, и гряды окончательно опустели. Тяжело было смотреть даже со стороны, как валялись под ножом тяжёлые зелёные головы капусты. Скоро весь огород был убран, и на грядках оставались одни кочерыжки от капусты, жалко торчавшие из земли, точно утиные шеи.

Полил дождь, загудел ветер, а потом первый мороз сковал землю. Жутко пришлось и сорной траве.

— Ну, кума, пора и нам отдохнуть, — сказал как-то Репей засыхавшей Крапиве. — Что же, пожили, покрасовались и на будущий год опять увидимся... До свидания, кума! Меня только одно утешает: всех этих дармоедов убрали от нас, — место очистили...

Крапива только жалобно стонала:

— Ух, как холодно!.. В самом деле, пора на покой... — Она даже сердиться не могла.

Чертополох всё лето промолчал и молча засох от первого инея.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕМЕЛЯ-ОХОТНИК	5
ЗИМОВЬЕ НА СТУДЁНОЙ	17
ПРИЁМЫШ	37
СЕРАЯ ШЕЙКА	49
УПРЯМЫЙ КОЗЁЛ	63
ЗЕЛЁНАЯ ВОЙНА	85

М22 Мамин-Сибиряк Д. Н. Емеля-охотник.
Рассказы и сказки. Для мл. школ. возр.
(Худож. оформл. Т. П. Капустиной). —
К.: Веселка, 1981. — 95 с., ил.

В книгу входят рассказы и сказки замечательного русского писателя Д. Н. Мамин-Сибиряка (1852 — 1912): «Емеля-охотник», «Зимовье на Студеной», «Серая Шейка», «Упрямый козел» и другие.

70802—124
М 70802—124
М206(04)—81 219.81.4803010101.

P1

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

ЕМЕЛЯ-ОХОТНИК

Рассказы и сказки

Для младшего школьного возраста

Художественное оформление

Татьяны Порфирьевны Капустиной

Редактор Л. Г. Силаева

Художественный редактор Д. П. Присяжнюк

Технические редакторы Е. П. Дворская, Ф. Н. Резник

Корректоры З. В. Лещенко, А. К. Скрипченко

Ицформ. бланк № 1554

Сдано на производство 28. 09. 80. Подписано к печати 02. 02. 81. Формат 84×108^{1/8}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура банинговская. Печать офсетная. Условн. печ. лист. 10,08. Условн. кр.-от 42,84. Учетн.-изд. лист. 6,82. Тираж 50 000. Зак. № 1201-0. Цена 80 коп.

Издательство «Веселка», Киев-4, Бассейная, 1/2

Львовская книжная фабрика «Атлас» республиканского производственного объединения «Полиграфкинг» Госкомиздата УССР, 290005, Львов, Зеленая, 20.

